

Министерство культуры Карельской АССР
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

ВНУТРЕННИЕ БОЛЕЗНИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Библиографический обзор

Петрозаводск

1975

Составитель: доцент кафедры госпитальной терапии медицинского факультета Петрозаводского государственного университета им. О.В. Куусинена А.Е. Грейсер

Редакторы: Н.И. Горячева

И.П. Кушнир

Связи медицины с литературой разнообразны. Известна дружба писателей и врачей, много таких примеров знает история.

Знание медицины обогащает писателя, помогает лучше понять психологию человека. Может быть поэтому многие врачи становились и становятся писателями, а некоторые писатели специально изучали медицинские дисциплины (Г. Флобер, А. Франс, Ж. Сименон и др.).

Настоящий обзор затрагивает узкий вопрос медицины – «Внутренние болезни в художественной литературе». Он включает в себя произведения русских и зарубежных классиков, современных советских и зарубежных писателей..

Литература в обзоре дается по разделам: «Болезни сердца и сосудов», «Болезни легких», «Болезни желудочно-кишечного тракта», «Болезни почек», «Заболевания эндокринной системы и обмена веществ», «Болезни крови и лучевая болезнь», «Коллагеновые болезни и болезни суставов», «Интоксикации (отравления)», «Авитаминозы, алиментарная дистрофия», «Инфекционные болезни», «Неврозы и мнительность», «Врачебная деонтология». В конце каждого раздела – список использованной литературы.

Врачи-специалисты могут использовать данный обзор литературы при подготовке лекций, бесед о внутренних болезнях; для студентов-медиков настоящее пособие явится хорошей иллюстрацией положений учебников по внутренним болезням живыми и яркими описаниями из художественной литературы; библиотекарям обзор поможет в работе по пропаганде художественной литературы, упомянутой в нем.

В подготовке настоящего библиографического обзора принимали участие студенты 6 курса медицинского факультета госуниверситета Ж.М. Лавырева и В.Р. Левина.

Ваши отзывы на это пособие шлите по адресу: Петрозаводск, ул. Пушкинская, 5, Государственная публичная библиотека Карельской АССР.

Болезни сердца и сосудов

«Зачем, как тульский заседатель,

Я не лежу в параличе?

Зачем не чувствую в плече

Хоть ревматизма? – ах, создатель!»

А.С. Пушкин «Евгений Онегин».

Гл. Отрывки из путешествия Онегина.

Как и в жизни, в литературе болезни сердца и сосудов встречаются часто. В последнее время положительные герои нередко заболевают гипертонической болезнью, стенокардией, инфарктом миокарда.

К сожалению, отрицательные персонажи от инфаркта умирают значительно реже. Видимо, от инфаркта умер не совсем отрицательный несчастный Паниковский (И. Ильф, Е. Петров «Золотой теленок»), у которого «оказалось морщинистое лицо со множеством старческих мелочей: мешочков, пульсирующих жилок и клубничных румянцев». Кстати говоря, прерывистая манера разговаривать и дышать еще одного действующего лица этой книги, зиц-председателя Фунта, очень напоминает больных эмфиземной легких или склерозом мозговых артерий с дыханием Чейн-Стокса.

Такие проявления гипертонической болезни уловил И. Меттер (повесть «Алексей Иванович»):

«Затылок разламывало вовсю, глаза и щеки горели... Болел затылок, хотелось отвлечься от этой боли; Антонина Гавриловна сразу бы заметила по его красному лицу и воспаленным глазам, что у него повысилось давление... Они вышли в коридор. У Городулина стучало в висках. Закрывая кабинет, он пошатнулся от головокружения... Последние годы гипертония мучила Городулина уже не раз».

Возможно, венгерский писатель Д. Фекете сам испытал ощущения, вызванные гипертонической болезнью, которой он «наградил» героя книги «Смерть врача»:

«Старый доктор ночь провел плохо... Часа в три проснулся от мучительной головной боли; в затылке невыносимо пульсировало...

Доктор... принял лекарство. Затем встал с кровати и начал ходить взад-вперед по узкой комнатухе, сразу отметив, что пульсация в затылке смягчилась. Вдобавок ко всему спать пришлось непривычно низко – в гостинице на кроватях было лишь по одной подушке...

И вдруг мелькнула мысль: может ведь случиться что угодно! ... Дома-то всегда кто-нибудь рядом, уж сколько лет он не спит один.

... Теперь боль в затылке билась невыносимо, он уже не понимал прочитанного, фразы рассыпались на прыгающие, танцующие, ничем друг с другом не связанные слова».

Старый врач хорошо понимает свою пациентку, тоже страдающую гипертонией, угадывая жалобы до того, как она выскажет их. Исполняя врачебный долг, он погибает от кровоизлияния в мозг, картина которого также описана Д. Фекете.

Лечение головной боли иранским уличным лекарем – Хакимом с пониманием механизма действия этого вмешательства и с юмором приводит Х.М. Мугуев в приключенческой повести «Кукла госпожи Барк»:

«Итак, дружок, болит голова, весь свет стал противен, да? – спрашивает Хаким. – Ничего, ничего, я полечу тебя, и все пройдет...

Он еще раз примеряет свой ремешок и вдруг начинает сильно трясти, тереть и массировать голову клиента.

- О-ох! – стонет тот.

- Ничего, потерпи немного, косточки еще сухие, сейчас их тронет благодатная свежесть мозга, - важно успокаивает «доктор» - и тогда станет легче.

Захватив в обе ладони виски больного, он с удивительной быстротой трет и массирует голову, успевая одновременно с этим похлопывать по затылку и приглаживать рукой позвонки...

Пациент поднимается. Массаж головы, усиленная циркуляция крови и пилюля, обыкновенная пилюля от головной боли, купленная предприимчивым Хакимом в аптеке, излечили его. Может быть, через полчаса у него снова заболит голова, но сейчас, оглушенный толчками, массажами, быстрыми поворотами головы, щипками и рывками «доктора», ублаженный вкрадчивыми уверениями о полном исцелении, он и вправду чувствует себя лучше.

Ощущения больного при наступлении острой сосудистой катастрофы точно подмечены Г.М. Калиновским (рассказ «Жить и выжить»). Особенно интересны изменения настроения, восприятия обычных бытовых предметов и действий:

«С утра у профессора Бровина болело сердце...

Сегодня утром он чувствовал себя особенно скверно. Оступляющим, неслышным грохотом била в висках кровь, чуть подташнивало, по спине ползли липкие струйки пота.

Электробритва оказалась неожиданно тяжелой для ладоней, она жужжала пронзительно и противно, словно старинная бормашина, седые кустики щетины упрямо топорщились, никак не хотели исчезать...

Настроение все больше портилось, и он спохватился, приказал себе немедленно сосредоточиться... Но мозг будто вышел из повиновения...»

В этом же рассказе – картина облитерирующего эндартериита: «Поганая и таинственная болезнь эта поражает почему-то преимущественно мужчин. Хирурги склонны считать всему причиной никотин, хотя есть случаи эндартериита и среди людей, ни разу не затянувшихся папиросой. Начинается эндартериит с острых болей в лодыжках, потом... на ногах появляются гангреновые язвы, и часто, чтобы спасти человека, без ампутации не обойтись».

Гангрена ноги развилась у Ипполита (Г. Флобер «Госпожа Бовари») впоследствии сдавления ортопедическим аппаратом.

Описание приступа острой коронарной недостаточности есть у А.И. Куприна («В цирке»), П. Павленко, Э. Золя, М. Уилсона, Р. Мерля. Мы приведем три из них, дополняющие друг друга, в чем-то похожие и различающиеся субъективным восприятием больных.

Эти описания включают такие подробности, которых не найдешь в учебниках, и хорошо передают ощущения мучительной боли и близкой смерти:

«... Вдруг однажды утром у Паскаля началось резкое удушье. Уже не раз у него бывала легкая отдышка, которую он относил за счет переутомления. Теперь симптомы были настолько ясны, что он не мог больше обманываться: острая боль – сперва в области сердца, затем во всей груди и левой руке, обильный холодный пот, подавленность, смертельная тоска. Это был приступ грудной жабы. Он длился не более минуты, и Паскаль сначала скорее удивился, чем испугался...

День тянулся очень долго. Ночью Паскаль едва успел задремать... как в четыре часа он внезапно проснулся от жестокого приступа. Ему казалось, будто ужасная тяжесть, весь дом навалился ему на грудь и с силой расплющил ее; он не мог дышать, боль распространилась до

плеч, до шеи, парализовала левую руку. Впрочем, сознание оставалось совершенно ясным, Паскалю казалось, что сердце останавливается, что жизнь вот-вот оборвется в этих безжалостных тисках». (Э. Золя «Доктор Паскаль»).

«Невыносимо болело под грудиной¹, казалось, на грудь навалилась скала и вот-вот раздавит ребра своей страшной тяжестью. Боль растекалась, захватывая левую руку. При первых симптомах приступа он разделся и лег, но боль не давала лежать, он поднялся и стоял – в пижаме, тяжело дыша и опираясь правой рукой о спинку кровати... Ощущение, что он задыхается, было таким нестерпимым, что хотелось разорвать грудь и высвободить легкие.

Время от времени наступала короткая передышка, муки ослабевали, и казалось, что приступ утихнет. Но боль тотчас возвращалась, еще более страшная, убивая в нем всякую надежду. пытке не было конца... Мало-помалу палач превосходил самого себя, боль достигала невыносимой остроты, хотелось закричать, но голоса не было.

Внезапно наступило затишье... его страдания длились всего два часа. Он подумал про себя: «Боль – это мгновение, которому не видно конца». Это цитата, но откуда? Странное дело, ему все казалось невыносимым, даже то, что он не смог сразу вспомнить, чьи это слова. Он сделал несколько шагов по комнате и увидел в зеркале свое отражение. Его поразило чудовищно бледное существо с блуждающим взглядом, провалившимися, окруженными синевой глазами, приоткрытым перекосившимся ртом, подергивающейся губой. Он заметил также, что верхняя часть груди у него стала красной, была вся исполосована. Должно быть, он бессознательно царапал себя ногтями, отчаянно пытаясь разжать сдавившие его тиски. Он отвернулся, осторожно сел в кресло против окна, которое распахнул два часа назад, когда ему стало не хватать воздуха. Спустя мгновение он ощутил, что боль возвращается, наклонив голову вперед и весь напрягся, чтобы ее встретить. Она обрушилась на него с устрашающей силой. Жестокая, неотступная, она превосходила все, что он уже вынес... На него напал гигантский спрут и, обвив его своими щупальцами, сдавил грудь, парализовал дыхание. Постепенно спрут сжимал его все сильнее, вот-вот раздавит окончательно...

Когда опять настал короткий миг затишья, он был весь мокрый от пота... Давление на грудь слегка уменьшилось, но в этом отступлении боли был свой, изощренный садизм. Облегчение подавало надежду, что невыносимая тяжесть, навалившаяся ему на грудь, вот-вот спадет, но она не уходила, напоминая, что через несколько минут все начнется с новой силой. Наклоняясь вперед, вцепившись обеими руками в подлокотники кресла, он старался вдыхать и выдыхать воздух осторожными, бережными толчками. Все его внимание, все его мысли сосредоточились на

¹ В медицине принят термин: «Боли за грудиной».

этом упражнении. В течение пятидесяти лет он дышал не задумываясь, можно сказать, помимо собственной воли, точно дыхание было чем-то само собой разумеющимся, точно это была вечная и нерушимая функция организма, а теперь дыхание стало трудной задачей, настолько тяжелой и болезненной, что она потребовала напряжения его сил. Впрочем, по мере того как период ремиссии затягивался, он с нарастающим ужасом ждал наступления нового пароксизма и почти готов был умереть, только бы ускользнуть от него». (Р. Мерль «За стеклом»).

«Высохшее морщинистое лицо Фокса склонилось к столу, глаза его внезапно потускнели, и весь он как-то странно оцепенел.

Птица, спящая в его груди, вдруг проснулась и превратилась в хищного коршуна, который забил тугими крыльями, стремясь вырваться из тесной клетки. Разъяренное существо царапало его грудь клювом и когтями, и Фокс стал задыхаться от боли и страха. Бешенное трепетание, метание из стороны в сторону и тяжесть, навалившаяся ему на грудь, порождали невыразимый страх, острая боль отдавалась в затылке. Ему хотелось разодрать себе грудь, сломать хрупкие ребра, чтобы выпустить наружу этот ужас. Про себя он кричал и рыдал, стремясь заполнить страшную пустоту воплями мучительной агонии. Но он не мог даже пошевелиться.

Как всегда, в первые секунды припадка он был поражен тем, что муки, испытываемые им сейчас, гораздо сильнее, чем в прошлые разы, но затем боль заглушила сознание, и это было похоже на страшное предательство какого-то существа, которому он рабски отдавал свою душу.

... крохотный пузырек с пилюлями укатился из-под пальцев, а Фокс в это время переживал такой холодный ужас, что, казалось, еще доля секунды – и он больше не вытерпит. Он умолял эту боль отпустить его, он готов был отдать взамен жизнь. Бывало, знойным летним днем он жадно вдыхал прохладный влажный ветерок, предвестник надвигающегося дождя; сейчас он с такой же жадностью ловил леденящее дуновение смерти, обещающей бесконечный покой.

Припадок, как буря, пронесся и утих, оставив Фокса на том же месте, где он застиг его, - среди серой пустыни, которая называлась жизнью. С минуту Фокс сидел в полном изнеможении, чуть-чуть удивляясь тому, что он не чувствует никакой боли. ... Он был еще жив, и все остальное уже не имело значения». (М. Уилсон «Живи с молнией»).

Невольно думается, что эти ощущения нужно было пережить, чтобы столь сочно (если это выражение применимо к невыносимым мукам) описать. Любопытно, что герои этих книг – люди умственного труда, в частности врачи, которые умирают от болезней сердца чаще представителей других профессий.

Ценным практическим советом оборачивается свежая метафора Г.И. Матвеева (повесть «Новый директор»):

«На днях приятель рассказал мне случай... В ресторан пришел один уже немолодой человек. Занял столик в стороне и стал кого-то ждать... Через несколько минут человек вдруг откинулся на спинку стула и замер в неестественной позе...

Тогда приятель громко, так, чтобы перекрыть шум, обратился к залу и спросил, нет ли у кого-нибудь с собой нитроглицерина. ... И вот, представьте себе, у подавляющего большинства пожилых мужчин оказался нитроглицерин!...

Вы тоже носите с собой нитроглицерин?

- Нет! ... Пока что не могу пожаловаться на сердце. Стучит нормально...

- Так лучше! Дело в том, что я должен сообщить вам очень неприятную новость...

- Нитроглицериновую новость?»

Дифференциацию стенокардии и холецистита проводит В. Померанцев («Сложный больной»).

Реанимация при остром инфаркте миокарда описана Ю. Крелиным («Всего полгода»).

После таких мучительных строк иначе понимаешь выстраданную Н. Хикметом жажду жизни. Он и умер так, как писал в стихах «Ангина пекторис» и «Разговор с Лидией Ивановной»:

«Лидия Ивановна,

мой умный друг,

надо выполнять ваши приказы, знаю,

иначе,

как вы сказали,

если я отобьюсь от рук –

сердце лопнет, как граната ручная.

Понимаю.

Все это так.

Но вы говорили, помнится,

что радость

и гнев

вредней для меня, чем табак,

вредней, чем бессонница...

Лидия Ивановна!

Не надо угрозы.

Все равно

обещать я вам не могу,

что буду жить

как важный,

равнодушный утес

на морском берегу.

Оставьте, доктор.

Ведь это – сердце.

Слышите, как оно бьется?

И если от гнева

или радости

разорвется –

пусть разорвется».

Дифференциальный диагноз экссудативного перикардита и пневмонии профессионально приведен В. Дягилевым в повести «Доктор Голубев».

«От больного веяло жаром, все его тело было покрыто крупными каплями пота, будто он выкупался и еще не успел обсохнуть. Сестра обтерла его полотенцем.

... Что-то здесь не так! Даже для крупозной пневмонии больной выглядит очень плохо. А у него и для крупозной пневмонии данных нет. Почему такая высокая температура, отдышка, синие губы, слабый пульс? Почему так «отяжелел» этот крепкий юноша за три дня? Как бы мне тут не ошибиться.

... Голубев определил границы сердца, отметил карандашом. Карандаш не потребовалось смачивать: кожа была влажной. Сердце больного билось глухо, с перебоями, напоминая робкий стук в дверь. Постучит тихонько и торопливо, и подождет ответа. Постучит и подождет.

... Голубев, к удивлению своему, отметил, что сердце Чухачева стало как будто больше: границы его расширились, и новые карандашные отметки не совпадали с теми, что он оставил ночью. Теперь и для него диагноз был вполне ясен: выпотной перикардит».

ЛИТЕРАТУРА

Ильф И., Петров Е. Собр. Соч. в 5-ти т., т.2. М., Гослитиздат, 1961, с.70.

Меттер И. Алексей Иванович. – В кн.: Меттер И. Разные судьбы. Л., 1973, с.194, 200, 202, 203.

Фекете Д. Смерть врача. М., «Прогресс», 1965, с.59, 60, 99-100.

Мугуев Х.М. К берегам Тигра. Повести. Орджоникидзе, Сев.-Осет. кн. изд-во, 1962, с.537-538.

Калиновский Г. Закон стального ключа. Повесть и рассказы. М., «Сов. писатель», 1973, с.244, 245.

Золя Э. Собр. Соч. в 26-ти т., т.16. М., «Худ. лит.», 1965, с.297, 307.

Мерль Р. За стеклом. М., «Прогресс», 1972, с.304-306.

Уилсон М. Живи с молнией. М., «Мир», 1965, с.497-498.

Матвеев Г. Новый директор. Л., Лениздат, 1961, с.397-398.

Хикмет Н. Избранное. М., Изд-во иностр. лит., 1953, с.264-265.

Дягилев В. Доктор Голубев. Повесть. М., «Сов. Россия», 1970, с.9, 10, 11, 20.

Болезни легких

«Еще не перестали топтать,

Сморкаться, кашлять...»

А.С. Пушкин. «Евгений Онегин».

Гл.I, строфа XXII.

Многие литературные герои выделяли туберкулезные палочки (А. Дюма – сын «Дама с камелиями», А. Мюрге «Сцены из жизни богемы», О. Бальзак «Сельский врач», А.П. Чехов «Цветы запоздалые», Л.Н. Толстой «Три смерти», Т. Манн «Тристан», Л. Арагон «Аргонавты», Д. Кьюсак «Скажи смерти «нет» и др.).

Туберкулезная эйфория¹, бессознательный самообман в оценке своей болезни и своего состояния хороши видны в рассказе «Жилет» Б. Пруса.

«Правда, он кашлял, но это – бронхит. Когда он долго сидел, иногда начиналось кровотечение, разумеется, из носоглотки. Ну, бывало у него что-то вроде лихорадки, но, в сущности, это была не лихорадка, а просто так – нервное состояние.

Вообще же он чувствовал себя все бодрее. У него появилось непреодолимое желание совершить какую-нибудь далекую прогулку, только сил на это не хватало. Наступило даже время, когда днем он не хотел лежать в постели и сидел на стуле одетый, готовый выйти на улицу, как только пройдет эта минутная слабость.

Беспокоило его лишь одно пустячное обстоятельство: однажды, надевая жилетку, он почувствовал, что она стала как-то уж очень широка ему».

Может быть, собственная болезнь легких (бронхиальная астма) «помогла» Э. Багрицкому так образовательно и сильно написать об одном из заболеваний легких – туберкулезе («ТВС»). И в этом же стихотворении звучит перекликающаяся со стихами Н. Хикмета жажда активной жизни:

«/Значит: в гортани просохла слизь,

Воздух, прожарясь, стекает вниз,

¹ Эйфория – хорошее настроение и самочувствие, не соответствующие тяжести заболевания и состояния.

А снизу, цепляясь по веткам лоз,

Плесенью лезет туберкулез/.

Земля надывается от жары.

Термометр взорван. И на меня

Грохоча осыпаются миры

Каплями ртутного огня,

Обжигают темя, текут ко рту.

И вся дорога бежит как ртуть.

А вечером в клуб /доклад и кино,

Собрание рабкоровского кружка/.

Дома же сонно и полутемно:

О, скромная заповедь молока!»

В «лексиконе прописных истин» Г. Флобера сказано о мокроте: «Радоваться, когда она отделяется, и удивляться, что человеческий организм может содержать ее в таком большом количестве».

Острой пневмонией болели в основном сильные люди, например, герои Д. Лондона. В момент кризиса от пневмонии умер Инсаров (И.С. Тургенев «Накануне»). Если у сильных людей не возникало пневмонии, они заболевали гриппом. Правда, в литературе гриппом болели и слабые нерешительные люди (А. Труайя «Семья Эглетьер») и дети (Э. Хемингуэй «Ожидание»).

Известный натуралист, автор популярных книг о зверях, Дж. Даррел описывает больного бронхиальной астмой с точностью истинного наблюдателя:

«... на его беду, Лугареция оставила на стуле у него в комнате одеяло, которым я пользовался вместо седла, когда ездил верхом. В середине ночи мы все вдруг проснулись от шума. Можно было подумать, что где-то душили целую свору ищеек. Еще не очнувшись от сна, мы сошлись в комнате Майкла и увидели, как он хрипит и задыхается, и по лицу его градом катится пот. Марго побежала греть чайник, Ларри отправился за коньяком, Лесли стал открывать окна, а мама снова уложила Майкла в постель и, так как он был теперь весь в холодном поту, заботливо

накрыла его тем самым одеялом. К нашему удивлению, несмотря на все принятые меры, Майклу стало хуже. Пока он еще мог говорить, мы задавали ему вопросы об этом недуге и его причинах...

Между приступами удушья Майкл объяснил нам, что у него аллергия только к трем вещам: пыльце сирени, кошкам и лошадям. Все поглядели в окно, но сирени там нигде не было, кошку мы в комнате тоже не нашли. Ларри ужасно разозлил меня, пытаюсь доказать, что я тайком протащил в дом лошадь. И вот, когда Майкл был уже, можно сказать, на краю смерти, мы вдруг заметили лошадиную подстилку, которую мама старательно подсунула ему под подбородок. Этот случай так подействовал на беднягу, что он уже до самого отъезда не в состоянии был взять кисть в руки. Вместе с Дюраном они лежали целыми днями в шезлонгах и укрепляли свои нервы».

О связи бронхиальной астмы и ожирении упоминает В. Мухина-Петринская в повести «Встреча с неведомым».

Картина профессионального заболевания легких – пневмокониоза (антракоза) – приводится А.Д. Крониным («Цитадель») и Э. Золя в романе «Жерминаль»:

«Он еще веселее засмеялся; смех его напоминал скрип намазанного колеса и перешел в сильнейший приступ кашля. Теперь жаровня ярко освещала его крупную голову с седыми редкими волосами и плоское свинцово-бледное лицо в синеватых пятнах...

Он откашлялся и снова выплюнул черную мокроту.

- Что это, кровь? – спросил Этьен, отважившись, наконец, задать вопрос.

Бессмертный медленно вытер губы тыльной стороной руки.

- Это уголь... У меня его столько внутри, что хватит чем обогреться до конца дней. А ведь уже пять лет, как ноги моей не было в шахте. Видно, там у меня целый запас, а я и не догадывался!»

Классическую картину легочного кровотечения описал Э.М. Ремарк в романе «Три товарища»:

«Пат лежала в постели с окровавленной грудью и судорожно сжатыми пальцами. Из рта у нее шла кровь. Возле стояла фройляйна Мюллер с полотенцем и тазом с водой.

- Что случилось? – крикнул я... Принесите бинт и вату...

- Где рана?

- Это не рана... Кровотечение – сказала она...

- Принесите с собой лед! – крикнул я...

Я принес свежей воды, снова смочил полотенце, но не решался прикоснуться к Пат. Я не знал, правильно ли она лежит, и был в отчаянии оттого, что не знал главного, не знал единственного, что должен был знать: подложить ли ей подушку под голову или оставить ее лежать плашмя.

Ее дыхание стало хриплым, потом она резко привстала, и кровь хлынула струей. Она дышала часто, в глазах было нечеловеческое страдание, она задышалась и кашляла, истекая кровью; я поддерживал ее за плечи, то прижимая к себе, то отпуская и ощущал содрагания всего ее измученного тела. Казалось, конца этому не будет. Потом, совершенно обессиленная, она откинулась на подушку».

И в этом романе – пример безукоризненного выполнения врачебного долга (профессор Хаффе) и дружбы, которая не может спасти от смерти, но помогает жить.

ЛИТЕРАТУРА

Прус Б. Соч. в 7-ми т., т.2. М., Гослитиздат, 1962, л.14-15.

Багрицкий Э. Стихотворения. Л., «Сов. писатель», 1956, с.167-168.

Флобер Г. Собр. соч. в 4-х т., т.4. М., «Правда», 1971, с.413.

Даррел Дж. Моя семья и звери. М., «Мир», 1971, с.106-107.

Золя Э. Жерминаль. Петрозаводск, Госиздат КФССР, 1956, с.8, 9.

Ремарк Э.М. Три товарища. Минск, Госиздат БССР, 1960, с.221-222.

Болезни желудочно-кишечного тракта

«... Люблю я час

Определять обедом, чаем

И ужином. Мы время знаем

В деревне без больших сует:

Желудок – верный наш брегет...»

А.С. Пушкин. «Евгений Онегин».

Гл.5, строфа XXXVI.

Болезни желудка и кишечника считаются, видимо, менее «литературогеничными», за исключением, кажется, рака желудка.

О пищеварении со многими подробностями писал Ф. Рабле («Гаргантюа и Пантагрюэль»). Считают, что он сделал популярным известный афоризм: «Аппетит приходит во время еды...»

«Физиологию голода» образно и ярко изложил Э. Багрицкий («ночь»):

«Над этой оголтелой жратвой

/Рычи, желудочный сок!/...

И голод сжимает скулы мои,

И зудом поет в зубах,

И мыльною мышью по горлу вниз

Падает в пищевод...

И я содрогаюсь от скрипа когтей,

От мышьеи возни хвоста,

От медного запаха слюны,

Заливающего гортань...»

В повести «Фантастика вторгается в детектив, или последнее дело комиссара Дебрэ» И. Варшавский приводит верные мысли о возникновении язвенной болезни:

Комиссара Дебрэ «... терзал жестокий приступ язвы желудка... Дебрэ надавил пальцами на живот. Притаившаяся было боль снова рванула когтями желудок. Вот она, награда за 40 лет работы... Тут все: и бессонные ночи, и съеденные наспех сандвичи сомнительной свежести, и бесконечное количество выкуренных трубок...»

Язвенная болезнь и гастрит считаются, по-видимому, профессиональной патологией сыщиков (Виктор Прокофьевич из повести «Зеленый фургон» А.В. Козачинского, Шарапов в повести А. и Г. Вайнер «Ощупью в полдень»).

Любопытно свидетельство Л. Славина (рассказ «Поездка в Пербст») о том, что в немецкой армии некоторые подразделения были сформированы по принципу болезни, например, были роты, составленные исключительно из больных язвой двенадцатиперстной кишки.

Дифференциальный диагноз прободной язвы желудка и нижнедолевой пневмонии приводит А. Хейли в романе «Окончательный диагноз»:

«Доктор позвонил мне домой и сказал, что подозревает прободную язву желудка...

... я увидел больного примерно через полчаса. У него были сильные боли в верхней части живота. Давление упало, лицо было пепельно-серым, холодная испарина, состояние шока. Я распорядился сделать переливание крови и укол морфия. Живот был «как доска», при пальпации определялся положительный симптом Блюмберга.

- Рентгеновский снимок сделали?...

- Нет. Я считал, что тяжелое состояние больного не позволяет подвергать его рентгенографии. Я был согласен с диагнозом и решил немедленно оперировать... В таких неотложных случаях всегда бывают сомнения,... но я решил, что симптомы оправдывают оперативное вмешательство... Но прободной язвы не оказалось, и больного вернули в палату. Я пригласил доктора Тойнби на консультацию, однако больной скончался до его прибытия...

- Как уже доложил нам доктор Барлет, прободной язвы желудка не было. В животе мы не нашли изменений... Это была начальная стадия пневмонии, отсюда и боли.

Люси вспомнилось, что в подобных случаях симптомы бывают одинаковыми».

Многочисленные симптомы хронического гастрита с пониженной кислотностью (раньше бытовало ныне забытое, но очень меткое название – несварение желудка) легко определяются у пациентов, приезжавших на Анвальские теплые воды (Г. де Мопассан «Монт-Ориоль»):

«Но и г-н Монеку заступился за анвальские воды, сообщив, что уже неделю желудок его дочери переваривает пищу и теперь она не выбегает из-за стола посреди обеда...

Достаточно вздутия желудка, чтобы появились симптомы болезни сердца, ибо сердце в этом случае, будучи приподнято и стеснено в движениях, работает неправильно, иной раз даже с перебоями...

Старая и очень худая дама, фамилии которой никто не знал, авторитетным тоном сказала:

- Я думаю, что анвальские воды всем помогали бы, если бы повар в гостинице хоть немного помнил, что он готовит не для здоровых, а для больных. Ну разве возможно переварить кушанья, которыми нас тут угощают?

И сразу же все пришли к согласию: всех объединило негодование против содержателя гостиницы, который подавал к столу лангусту, колбасы, угря по-татарски, капусту – да, да, капусту и сосиски, - словом, самые неудобоваримые блюда, и к тому же людям, которым три доктора – Бонфиль, Латон и Онора – предписали есть только легкие кушанья: нежное, нежирное белое мясо, свежие овощи и молочные продукты.

Рикье весь дрожал от гнева:

- А разве на водах врачи не обязаны наблюдать за питанием больных! Как они смеют оставлять этот важнейший вопрос на усмотрение какой-нибудь тупой скотины? Вот, например, нам каждый день подают в качестве закуски крутые яйца, анчоусы и ветчину...

Пошел бесконечный, ежедневно возобновлявшийся спор о пользе и вреде тех или иных продуктов.

Даже молоко вызвало ожесточенные прения. Рикье заявлял, что стоит ему выпить хоть маленький, лафитный стаканчик молока, как у него начинается ужаснейшее несварение.

Обри-Пастер, рассердившись, что порочат его любимые молочные продукты, воскликнул раздраженным тоном:

- Черт возьми, послушайте, сударь, если у вас диспепсия, а у меня гастрит, то для нас с вами нужен совершенно различный пищевой режим, так же как различны должны быть стекла очков, прописываемые близоруким и дальнозорким, хотя у тех и других зрение испорчено».

В этом романе изложены взгляды врачей того времени на хроническую патологию желудка (гастриты, в отличие от несварения желудка считались тогда редкими заболеваниями), диетическое питание, роль минеральных вод в лечении.

Болевой вариант синдрома оперированного желудка приводит Н. Чуковский в повести «Последняя командировка»:

«... И вдруг крик, громкий, отчаянный, совсем близкий, заставил его вздрогнуть и вскочить.

Это был даже не крик, а вой, захлебывающийся, дикий. Казалось странным, что так может кричать человек. А между тем это кричал Черета – раскрыв рот, корчась и держась за живот обеими руками.

Сраженный внезапной болью, он, грохоча, скатился с разъезжающейся кучи вещей... Огромное тело его извивалось и тряслось... капельки пота выступили на бледном лбу, две слезинки выкатились из закрытых глаз. Кричать он перестал почти сразу и только громко стонал, держась за живот...

... Глаз Черета не открывал и на все вопросы отвечал только стоном...

- Ему нужна горячая бутылка... Она (старуха) достала бутылку, наполнила ее горячей водой..., положила бутылку на живот...

Черета опять простонал, но это был стон скорее удовольствия, чем боли... Он затих, перестал дергаться и, наконец, открыл глаза».

В одной из новелл А. Мунте («Легенда о Сан-Микеле») все общество болело колитом, в том числе дамы и собачки.

Ощущения и переживания больного раком кишечника в повести «Смерть Ивана Ильича» были описаны Л.Н. Толстым с натуры (болел брат И.И. Мечникова):

«Нельзя было назвать нездоровьем то, что... у него странный вкус во рту и что-то неловко в левой стороне живота.

Но случилось, что неловкость эта стала увеличиваться и переходить не в боль еще, но в сознание тяжести постоянной в боку и в дурное расположение духа. Дурное расположение духа это, все усиливаясь и усиливаясь, стало портить установившуюся было в семействе Головиных приятность легкой и приличной жизни.

... Начинались его придирки всегда перед самым обедом и часто, именно когда он начинал есть, за супом... Боль в боку все томила, все как будто усиливалась, становилась постоянной. Вкус

во рту становился все страннее, ему казалось, что пахло чем-то отвратительным у него изо рта, и аппетит и силы все слабели. Нельзя было себя обманывать: что-то страшное, новое и такое значительное, чего значительнее никогда в жизни не было с Иваном Ильичем, совершалось в нем.

... Он спал меньше и меньше; ему давали опиум и начали прыскивать морфином. Но это не облегчало его...

Ему готовили особые кушанья по предписанию врачей; но кушанья эти все были для него безвкуснее и безвкуснее, отвратительнее и отвратительнее.

Для испражнений его тоже были сделаны особые приспособления, и всякий раз это было мученье. Мученье от нечистоты, неприличия и запаха, от сознания того, что в этом должен участвовать другой человек».

Писатели точны в наблюдениях – боли при раке могут быть не меньше и страдания не менее мучительны, чем при гипертонической болезни, стенокардии и инфаркте миокарда, но эмоциональная окраска ощущений при трех последних заболеваниях значительно сильнее.

Раком желудка болели герои М. Фриша («Homo Faber»), Ф. Дюренматта («Судья и палач»), единственного романа С. Цвейга «Нетерпение сердца». Болезнь часто определяла действия и поступки персонажа. В одной из лучших книг о врачах – повести «Подполковник медицинской службы» Ю. Германа – врач заболел раком желудка:

«Потом Левин немного постоял в ординаторской, раздумывая, и принял соды: его мучила изжога.

... И отчаянные изжоги, и несварение, и головные боли – все это еще было полбеды по сравнению с теми жестокими болями в желудке и с тем омерзительным привкусом жести во рту, которые – чем дальше, тем больше – не давали ему ни спокойно поработать, ни спокойно выпастся. Все вместе это было очень похоже на язву, но он не хотел об этом думать, так же как не хотел глядеться в зеркалдо, чтобы не видеть мешочков под глазами, морщин и землистого цвета лица.

В девять утра он проснулся от странной тянущей боли и позывов на рвоту.

... Чтобы не стонать, он принялся раскачиваться, сидя на своей койке... Он даже не слышал собственных слов, не понимал их смысла, ничего не видел перед собою, кроме режущего света. И кто-то с упрямой, идиотской силой вытягивал из него желудок».

Мучаясь от болезни, зная правду, открытую ему злым и низким человеком, он до последней минуты работал и умер на пороге операционной.

Циррозом печени страдал Рамюэль (Ж. Сименон «Подвалы отеля Мажестик»). Заболевания желчного пузыря нашли несколько неожиданное отражение в литературе: в приключенческой повести С. Русанова «Особая примета» преступника раскрывают по... рентгеновскому снимку желчного пузыря – холецистограмме (и, кстати, задерживают на территории Карелии). Хроническим холециститом болел еще один преступник – в повести Г. Прошковой «Месяц с трубкой». Таким образом, в отличие от болезней желудка, заболевания печени чаще встречаются в литературе у отрицательных персонажей и преступников.

ЛИТЕРАТУРА

Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. М., «Худож. лит.», 1966, с.25-26.

Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. М., «Худож. лит.», 1973, с.43.

Багрицкий Э. Стихотворения. Л., «Сов. писатель», 1956, с.87.

Варшавский И. Тревожных симптомов нет. Повести и рассказы. М., «Молодая гвардия», 1972, с.289-290.

Хейли А. Окончательный диагноз. – «Наука и жизнь», 1973, № 4, с.126.

Мопассан Г. де. Полн. собр. соч. В 12-ти т., т.7, М., «Правда», 1958, с.41, 12, 41-42.

Чуковский Н. Цвела земляника. М., «Молодая гвардия», 1970, с.381, 385.

Толстой Л.Н. Собр. соч. в 20-ти т., т.12. М., «Худ. лит.», 1964, с.81, 86, 95.

Герман Ю. Подполковник медицинской службы. Л., «Сов. писатель», 1968, с.32, 53-54.

Болезни почек

«Машук, податель струй целебных;

Вокруг ручьев его волшебных

Больных теснится бледный рой...»

А.С. Пушкин. «Евгений Онегин».

Гл. Отрывки из путешествия Онегина.

Они в литературе тоже не пользуются популярностью. Туберкулез почек описан Х.А. де Сунсунет в романе «Бег в темноте». Каротина хронической почечной недостаточности ярко представлена в «Семье Тибо» Р. Мартена дю Гара:

«лежавшие на столе волосатые руки, отекавшие так, будто их искусили осы, в трогательном рвении сплетали пальцы...

Голова его, казалось, стала слишком тяжела для плеч, подбородок вдавливался в салфетку, которую сестра повязала ему вокруг шеи... Он сделал усилие, чтобы схватить ложку,... но пальцы, давно уже онемевшие, а теперь еще отекавшие от водянки, отказывались служить ему...

Все тело обнажилось.

Огромное, обрюзгшее, мертвенно-белое, оно казалось одновременно и одутловатым, и совсем иссохшим. Кисти свисали с тощих, как у скелета, рук, словно две боксерские перчатки. Неестественно длинные ноги превратились в кости...»

ЛИТЕРАТУРА

Мартен дю Гар Р. Семья Тибо. Т.1., М., «Худож. лит.», 1972, с.169, 469, 679.

Заболевания эндокринной системы и обмена веществ

«Блажен, кто смолоду был молод,

Блажен, кто вовремя созрел...»

А.С. Пушкин. «Евгений Онегин».

Гл.8, строфа X.

Токсический зоб почему-то привлекает внимание юмористов. У Б. Егорова, Л. Полещука, Б. Привалова по страницам сатирического романа «Не проходите мимо» бегают «лягушки-базедовики». У С. Шатрова есть рассказ о шарлатанском лечении «безеда»: «десять флаконов йода на десять литров воды... Пейте по стакану в день». Бене Крику трудно было выдать замуж сестру свою Двойру, «изуродованную болезнью, с разросшимся зобом и вылезающими из орбит глазами» (И. Бабель «Король»).

Это заболевание описано С. Розенфельдом в единственном романе, посвященном эндокринологу («Доктор Сергеев»):

«Усиление деятельности железы и, вызванное этим, повышение секреции приводит к базедовой болезни, - зобу, пучеглазию, учащенному сердцебиению, резкой нервной возбудимости, крайней утомляемости, исхуданию, бессоннице, дрожанию рук...

Больная Катенька – так ее называли в палате все... любила показывать свои фотографические карточки и заливалась краской, когда ей говорили «какая красавица». А сейчас невозможно было поверить, что эта красавица была она – Катенька, - и всего лишь год тому назад. Щеки ее глубоко запали, глаза были резко выпучены и неестественно блестели, шея раздута, будто в нее воткнули мяч, на коже лица всегда выступали крохотные капельки пота. Пальцы ее, когда она протягивала руки, мелко дрожали».

Классический экзофтальмический зоб и двигательная возбудимость были у мальчика из «Лунного камня» У. Коллинза:

«... К мистеру Бреффу подошел мальчик..., привлекавший внимание необыкновенными глазами. Они были столь выпуклы и так широко раскрыты, что, казалось, им не удержаться в своих орбитах...

Мистер Брефф засмеялся:

- У меня в конторе этого беднягу прозвали Гусберри¹... Гусберри – один из самых ловких мальчишек в Лондоне... Двух слов достаточно для Гусберри там, где для другого мальчика понадобилось бы двадцать... Когда я назвал прославленное имя, и без того выпученные глаза мальчугана совсем вылезли из орбит, так что я было испугался, не выпадут ли они на ковер».

Если в честь Ч. Диккенса один из эндокринных симптомов назван Пиквикским, то за красочность описания экзофтальмического зоба у мужчин этот вариант заболевания должен был носить имя У. Коллинза.

Осложнения после частичной резекции щитовидной железы фигурируют в повести Ю. Крелина «Всего полгода».

Симптомы врожденного гипотериоза приводятся С. Розенфельдом в упомянутом романе «Доктор Сергеев»:

«А рядом с Катенькой лежала девочка Лялька лет шести., маленькая, немного меньше, чем ей полагалось по возрасту. Странно грубая кожа ее, особенно на веках, на шее, делала ее не похожей на ребенка, а узкие, вследствие отечности век, глазные щели, отсутствие мимики и поперечные складки на лбу придавали ей тупой вид...

- Ты, конечно, догадываешься, что у нее миксэдема? – спросил Костя... Совсем недавно это было крохотное, отечное существо, без признаков мысли, без речи. А сейчас, видишь? Все это под влиянием тироидина.²

Точная картина гипотиреоза с типичными изменениями психики изложена А. Крониным в «Цитадели»:

«Имрис в последнее время был какой-то странный, заводил ссоры с товарищами, терял память. Он стал раздражителен и буен... Он уже три недели болен и на себя не похож, а сегодня ночью он кинулся на жену с ножом...

Он³ подошел к Имрису и в первую минуту едва узнал его... Лицо имело отечный вид, ноздри распухли, кожа приняла восковой оттенок, и только на носу выделялось красноватое пятно. Весь он был какой-то вялый, точно сонный. Эндрю заговорил с ним. Имрис пробурчал в ответ что-то невнятное. Потом, сжав кулаки, разразился какой-то бессмысленной враждебной тирадой...

¹ Крыжовник.

² Имеется в виду тиреоидин.

³ Эндрю Мэнсон.

Он спрашивал себя: что вызывает такие речи Хьюза? Если этот человек помешался, что послужило причиной?... Глядя на опухшее лицо на подушке и ломая голову над решением этой загадки, он инстинктивно протянул руку и дотронулся до лица Имриса, подсознательно отметив при этом, что нажатие пальца не оставило вмятины на отечной щеке...

... в мозгу его возникла догадка. Почему отек не давал углубления под давлением пальца? Да потому – сердце у него так и подпрыгнуло! – потому что это вовсе не отек, а миксодема!¹

Наклонясь, он взял руку Имриса. Да, кожа сухая, шершавая... Температура ниже нормальной. Он методически проделал осмотр, подавляя в себе каждый новый порыв восторга... Бессвязная речь, сухость кожи, лопатообразные пальцы, опухшее лицо, потеря памяти, замедленность соображения, припадки раздражительности, которая довела его до покушения на убийство. Да, картина была настолько полная, что можно было торжествовать».

Сахарный диабет, длительное и тяжелое заболевание, приносящее немало страданий больным и причиняющее немалые затруднения врачам из-за сложности лечения, также не обойден вниманием юмористов, вероятно потому, что смешным кажется главное проявление болезни – выделение сахара с мочой из организма.

Короткое определение сахарного диабета дал А. Аверченко одной фразой: «Диабет – небольшой сахарный завод на одну персону». Но, как справедливо заметил Э. Кроткий, «и сахарная болезнь несладка».

О важности точных лабораторных исследований обмолвился М. Ларни: при анализе воды из колодца вблизи какого-то колледжа лаборатория ответила: «Ваша лошадь больна диабетом» («Четвертый позвонок»).

С сахарным диабетом связано несколько детективных историй, например, у Э. Фикера в «Операции С-Л» один из преступников, страдающий диабетом, не ввел вовремя инсулин и, впадая в декомпенсацию, привлек внимание необычным поведением, что помогло раскрыть преступление. Или напряженный эпизод из истории бельгийского сопротивления: больному диабетом коллаборационисту партизаны подменяют ампулы инсулина схожими ампулами цианистого калия, чтобы предатель, думая, что вводит инсулин, сам казнил себя. (М. Тири «Одно из двух»).

Дифференциальный диагноз диабетической (гиперкетонемической) и гипогликемической ком почти профессионально (правда, на уровне знаний тридцатилетней давности) приводится С. Розенфельдом:

¹ Современное название – микседема, гипотиреоз.

«Костя взглянул на больного, сосчитал пульс, послушал дыхание, надавил пальцем на веки закрытых глаз и нагнулся ко рту больного.

- Да, это, конечно, диабет. Но почему вы думаете, что нужен инсулин?

- Помилуйте, у него диабетическая кома...

- Нет, - прервал Костя. – У него не кома, у него гипогликемия... резкая слабость, чувство острого голода, головокружение, и, как это бывает всегда в тяжелых случаях, больной потерял сознание и даже не мог сообщить, что именно с ним приключилось. А это могло бы быть для него роковым. Почему? Потому что, во-первых, трудно сразу установить, что мы имеем дело с диабетом вообще, во-вторых, если это диабет – то кома или гипогликемия? При первой должно быть глубокое, шумное, так называемое кусмаулевское дыхание... затем резкий ацетоновый запах изо рта, очень похожий на запах яблок, сухая кожа, усиленное сердцебиение; а при второй – дыхание нормальное, запаха ацетона нет, больной сильно потеет, пульс неопределенный. У этого больного все грани словно стерты: и дыхание как будто нормальное, и кожа не то сухая, не то чуть влажная, и пульс средний... Но вот полностью отсутствует запах ацетона, а при коме он должен был быть обязательно, потому, что случай тяжелый. И еще одна маленькая деталь – на нее, к сожалению, редко обращают внимание: это гипотония глазных яблок; при коме она обязательна, при гипогликемии отсутствует. Вот посмотрите».

Операция при диабете и связанные с ними врачебные трудности хорошо известны хирургам:

«Она поступила с диагнозом – рак. Резать! Но у больной диабет.

Диабет – это не просто сахара много в крови, в моче.

При диабете плохо заживают ткани. Для меня сейчас это главное.

Рак – резать!

Диабет!

А после операции сахар может неудержимо нарастать, нарастать. Человека сжигает сахарная буря. Потеря сознания. Диабетическая кома! Смерть.

А может быть наоборот. Дашь инсулина слишком много – сахар совсем исчезнет. И без сахара... Опять потеря сознания... Другая кома. Бессахарная кома! Смерть...

Поступила в отделение с диагнозом – рак желудка. После компенсации имевшегося у больной диабета, 12.XII произведена операция. На операции обнаружен рак, занимающий весь

желудок и прорастающий в толстую кишку и ножку селезенки. Произведено тотальное удаление желудка, селезенки и резекция поперечной толстой кишки. В послеоперационном периоде со стороны области операции течение удовлетворительное. Со стороны диабета состояние относительно тяжелое, лабильное. К седьмому дню диабет был компенсирован, углеводный обмен стабилизировался. Больная стала принимать через рот жидкую пищу. На десятые сутки на фоне благополучного течения и удовлетворительного состояния наступила внезапная смерть, по видимому от эмболии легочной артерии». (Ю. Крелин «Семь дней в неделю»).

О других эндокринных заболеваниях сведений в художественной литературе значительно меньше.

Отличие физиологического пубертатного периода от туберкулеза у подростков изложены О. Бальзаком в «Сельском враче».

Всем родителям и педагогам приходится решать вопросы, связанные с ростом и созреванием детей:

«Последняя выдумка: у Пом болят груди. Она, видите ли, почувствовала, как они затвердевают, и стала придавать большое значение этим кнопкам.

- Уверю тебя, мамочка, они растут!

Меня тоже пригласили засвидетельствовать это событие. Пом с гордостью показывает мне два синеватых вздутия, величиной не больше обычного нарыва. Она заставляет меня посмотреть их в профиль, чтоб я лучше увидел, насколько они увеличились. Лишь после этого я высказываю свое суждение:

- Ну, старушка, ты еще вполне можешь обойтись без лифчика!

Раздосадованная, она строит мне рожицу и заявляет, что ее час еще пробьет.

- Не беспокойся, у меня еще будет во какая грудь! (Г. Шевалье «Моя подружка Пом»).

С. Розенфельд последовательно описывает акромегалию и хроническую надпочечниковую недостаточность:

«В соседней палате лежал молодой инженер Сахновский, год назад заболевший страшной болезнью – акромегалией. Он... никому не хочет показывать своих фотокарточек и дал их только по требованию Кости, для вклейки в историю болезни. Костя был поражен изменением внешности, которую произвела болезнь. Надбровные дуги теперь резко выпирали вперед, уродуя лицо, торчали большие, грубые сколы, нос стал длиннее и шире. Больше всего, однако, Костю

поразил подбородок, заметно увеличившийся и выдвинутый вперед, и толстые губы, так непостижимо не похожие на те, что на фотографии. Сахновский, выглядевший на снимках элегантным юношей, нисколько не был похож на уродливого человека, сидящего сейчас перед Костей...

Через койку от Сахновского лежал пожилой железнодорожник Павел Алексеевич, с лицом, словно выкрашенным в темно-бронзовый цвет. С этой окраской резко контрастировал цвет его ладоней. Когда он поднимал руки, чтобы показать врачу ладони, они резали глаз своей удивительной белизной. Больной ослабел до последней степени, он едва двигался, почти не поднимался с постели, опасаясь головокружения и обморока. Все это – проявление бронзовой или Аддисоновой болезни».

Излечение гипофизарного нанизма (нормальный рост «лилипутов» после введения экстракта гипофиза) стал темой фантастического романа Л. Лагина «Патент «АВ».

В стихотворении Р. Рождественского «Аксельраты, аксельратки...» отражена особенность подростков последних десятилетий – быстрое (ускоренное) физическое развитие:

«Силой мышечной

богаты

бродят

по проспекту праздному

малолетние гиганты,

рост которых –

не по разуму».

Можно пожалеть, что в программе медицинских вузов мало внимания уделено ожирению.

«Жиры имеют очень сложный химический состав, но образуются довольно просто, даже у тех, кто совершенно не знаком с химией». (Ф. Кривин).

Ожирение хорошо представлено В. Шекспиром (Фальстаф в «Генрихе IV» и «Виндзорских проказницах»), Ю.К. Олешей («Три толстяка»), В. Лацисом в «Сыне рыбака»:

«Казалось не человек, а взбитая копна сена покоилась на кровати. Равномерно закругляющейся, почти изящной линией обрисовывался огромный, словно купол, живот,

увенчивающий расплывчатую, освобожденную от преград живую массу, которая заполнила до самых краев всю широкую кровать, напоминая останки какого-то доисторического животного. Но при всех своих размерах это существо было беспомощнее ребенка: оно не могло ни самостоятельно сесть, ни сойти с кровати.

... Вернулась прислуга... она помогла ему выкарабкаться из постели, сняла с него ночную сорочку и начала одевать.

Сначала она туго забинтовала ему все туловище, руки и ноги обмотками. Гароза стал гораздо тоньше и уже смог с помощью прислуги надеть брюки и жилет. Женщина обула его, застегнула пуговицы, умыла как маленького ребенка. Теперь Гароза мог уже ходить.

Начался завтрак... Оскар... только удивлялся, глядя, как жрет Гароза. Вот он перерезал пополам свиную отбивную котлету, и она в два счета исчезла у него во рту. Блюдо заливного было уничтожено в четыре приема. С молниеносной быстротой очистив тарелки, Гароза хлопнул ладонью по могучему брюху. - «Теперь можно и поработать...»

Связь ожирения с патологией сосудов точно уловили Г. Мани («Луизхен»), Ги де Мопассан («Туан»):

«В самом деле, на Туана нельзя было смотреть без смеха, такой он стал красный и толстый, точно надутый. Над такими толстяками смерть как будто потешается, подкрадываясь к ним исподтишка, хитрит и паясничает, придавая им что-то до крайности смешное своей медленной и разрушительной работой. Вместо того чтобы проявить себя, как на других, не таясь, сединой, худобой, морщинами, угасанием сил, всем, что заставляет говорить с содроганием: «Черт возьми, как он постарел!» - она, негодяйка, забавляясь, наращивая сало, доводя человека до уродливой толщины, раскрашивая его синим и красным, раздувая, как шар, так что вид у него был сверхчеловечески здоровый; она обезобразила дядю Туана, как и все живое, но это безобразие становилось у него не мрачным и зловещим как у других, а смешным, шутовски забавным.

- Погоди еще, погоди, - твердила мамаша Туан, - вот увидишь, что случится...

А случилось то, что дядю Туана хватил удар». (После чего, как известно, жена заставила его, лежавшего в параличе, «вылеживать» цыплят).

Более 100 лет назад великолепный наблюдатель И.А. Гончаров точно описал то, что мы сейчас называем болезнью XX века – следствие переизбытка и гиподинамии (малой подвижности), часто сопровождающейся ленью ума и избыточными эмоциями. Это еще не ожирение, и не тяжелая болезнь, впечатление которой может сложиться у несведущего человека при виде

подробного медицинского заключения, тщательно и с иронией воспроизведенного И.А. Гончаровым в «Обломове»:

«Цвет лица у Ильи Ильича не был ни румяный, ни смуглый, ни положительно бледный, а безразличный или казался таким, может быть, потому, что Обломов как-то обрюзг не по летам: от недостатка ли движения, или воздуха, а может быть, того и другого. Вообще же тело его, судя по матовому, чересчур белому цвету шеи, маленьких пухлых рук, мягких плеч, казалось слишком изнеженным для мужчины...

Лежанье у Ильи Ильича не было ни необходимостью, как у больного или как у человека, который хочет спать, ни случайностью, как у того, кто устал, ни наслаждением, как у лентяя: это было его нормальным состоянием...

Обломов не дождался заслуженной кары, ушел домой и прислал медицинское свидетельство.

В этом свидетельстве сказано было: «Я нижеподписавшийся, свидетельствую, с приложением своей печати, что коллежский секретарь Илья Обломов одержим отолщением сердца с расширением левого желудочка оното (*Hypertrophia cordis cum dilatatione ejus ventriculi sinistri*), а равно хронической болью в печени (*hepatitis*), угрожающей опасным развитием здоровью и жизни больного, каковые припадки происходят, как надо полагать, от ежедневного хождения в должность. Посему, в предотвращение повторения и усиления болезненных припадков, я считаю за нужное прекратить на время г. Обломову хождение на службу и вообще предписываю воздержание от умственного занятия и всякой активности».

Но это помогло только на время: надо же было выздороветь, - а за этим в перспективе было опять ежедневное хождение в должность. Обломов не вынес и подал в отставку. Так кончилась – и потом уже не возобновлялась – его государственная деятельность».

В стихах Н.А. Некрасова «О погоде» как будто развивается мысль И.А. Гончарова – с ожирением или без него – двигаться до последней минуты. Когда человек останавливается, он умирает. Кто-то сказал типографскому рассыльному Минаю: «Да, пора бы тебе на покой»:

«То-то нет! говорили мне многие,

Даже доктор (в тридцатом году

Я носил к нему «Курс патологии»):

Жить тебе, пока ты на ходу!

И ведь точно: сильней нездоровится,

Коли в праздник ходьба остановится:

Ноет спинушка, жилы ведет!

Я хожу уж полвека без малого, Человека такого усталого

Не держи – пусть идет!»

Еще раньше этот совет дал Чацкий давнему приятелю своему Горичу – от «слабого здоровья, ревматизма и головных болей» лучше всего помогает активный образ жизни:

«Движенья более. В деревню, в теплый край.

Будь чаще на коне...»

(А.С. Грибоедов «Горе от ума»).

Связь ожирения с нарушением дыхания подметил Т. Манн (новелла «Тонио Крегер»).

Своеобразный синдром – ожирение, апатия, сонливость (у Джо – «жирного парня» в «Посмертных записках Пиквикского клуба») назван теперь в честь Ч. Диккенса синдромом Пиквика.

ЛИТЕРАТУРА

Розенфельд С. Доктор Сергеев. Л., «Мол. гвардия», 1946, с.55, 68-69.

Коллинз У. Лунный камень. М., Детгиз, 1959, с.475-476, 482.

Розенфельд С. Доктор Сергеев. Л., «Мол. гвардия», 1946, с.69, 90.

Кронин А. Цитадель. М., «Правда», 1956, с.66-69.

«Лит. Газ.», 1973, 21 марта, с.16 (А. Аверченко).

Кроткий Э. Отрывки из ненаписанного. Л., «Художник РСФСР», 1967, с.28.

Ларни М. Четвертый позвонок или мошенник поневоле. М., Изд-во иностр. лит., 1959, с.263.

«Неделя», 1965, № 39, с.16-17. (М. Тири).

Розенфельд С. Доктор Сергеев. Л., Мол. гвардия», 1946, с.84, 86-87.

Крелин Ю. Семь дней в неделю. Записки хирурга. М., «Сов. Россия», 1967, с.116-117, 129-130.

Шевалье Г. Моя подружка Пом. М., Гослитиздат, 1963, с.150.

Розенфельд С. Доктор Сергеев. Л., «Мол. гвардия», 1946, с.69-70.

Рождественский Р. Возвращение. Петрозаводск, «Карелия», 1972, с.112.

Кривин Ф. Несерьезные Архимеды. М., «Молодая гвардия», 1971, с.79.

Лацис В. Сын рыбака. Кн.1. М., Гослитиздат, 1961, с.293, 295.

Мопассан Г. де. Полн. собр. соч. в 12-ти т., т.5. М., «Правда», 1958, с.339-340.

Гончаров И.А. Собр. соч. в 8-ми т., т.4. М., Гослитиздат, 1953, с.7-8, 60-61.

Некрасов Н.А. Собр. соч. в 3-х т., т.1. М., «Худож. лит.», 1971, с.295.

Грибоедов А. Соч. в 2-х т., т.1. М., Правда», 1971, с.119.

Болезни системы крови и лучевая болезнь

«Дымясь из раны кровь текла.
 Тому назад одно мгновенье
 В сем сердце билось вдохновенье,
 Вражда, надежда и любовь,
 Играла жизнь, кипела кровь, -
 Теперь, как в доме опустелом,
 Все в нем и тихо, и темно;
 Замолкло навсегда оно.
 Закрыты ставни, окна мелом
 Забелены. Хозяйки нет».
 А.С. Пушкин. «Евгений Онегин».
 Гл.6, строфа XXXII.

Анемичные, чахлые девушки и дети из произведений И.С. Тургенева, В.Г. Короленко и других писателей прошлого века в литературе больше не появляются. Ги де Мопассан описал редкий случай анемии у мужчины, который усердно старался стать отцом, так как это было непременным условием получения большого наследства («Наследство»).

Стало хорошо известно (не без помощи парикмахера «Пьера и Константина»), что «теперь вся сила в гемоглобине» и кроветворение стало энергичным:

«Тельца кровяные скачут,
 прыгают друг за дружкой
 упругие, как лягушата».
 (Э. Межелайтис «Переливание крови»).

По-видимому в последний раз в литературе А.И. Куприным («Молох») приводится старое русское название крови – руда: «... резал я хлеб для артели, так палец маненечко попортил, руду никак не уймешь». У писателей XIX века еще встречалось и «рудометание» - кровопускание (в прямом и ироническом смысле), например, написанная Н.А. Некрасовым сатирическая «автобиография» генерала Рудометова 2-го, т.е. Александра II).

Кровопускание методом флеботомии (венесекции) описано в романе Г. Флобера «Госпожа Бовари».

Сюжет одной из тонких и грустных новелл А. Барбюса «Первая любовь» связан с переливанием крови.

О лейкозах упоминают современные авторы не так уж редко (М. Уилсон в романе, название которого переводилось как «Жизнь во мгле» и «Живи с молнией»; О. Кожухова «Ранний снег»; Е. Загорянский «Черные лебеди» и др.).

В единственном детективном романе живого классика английской литературы Ч. Сноу «Смерть под парусом» интрига построена на том, что больной тяжелым заболеванием крови убивает врача, знавшего о его заболевании, из страха, что тот помешает его карьере.

Редкое заболевание крови у преступника помогает обнаружить его популярным ЗнаТокам из телепьесы О. и А. Лавровых «Динозавр».

В исторических романах предпочтением пользуется гемофилия. Роман Э. Золя «Доктор Паскаль» может служить пособием для изучения многих положений генетики и учения о наследственных болезнях; приведем из него описание гемофилии:

«... малейший укол вызывал у Шарля кровотечения, которые приходилось останавливать тугой повязкой; ... В особенности мальчик был подвержен кровотечениям из носа, таким внезапным и обильным, что в любую минуту мог истечь кровью. ... Из левой ноздри Шарля показалась красная капелька, которая все увеличивалась. Капля скатилась, на ее месте образовалась другая. Это была кровь, кровавая роса... Мало – помалу капли превратились в тонкую струйку... Скоро появились новые капли, тяжелые, густые, они шлепались одна за другой на плиточный пол. А Шарль продолжал спать божественно спокойный, как херувим, не сознавая, что из него понемногу выходит жизнь».

Лучевая болезнь привлекает внимание не только реалистов, но и фантастов (Е. Войскунский, И. Лукодянов «Очень далекий Тартесс»):

«Горные духи стерегли голубое серебро и жестоко мстили рудокопам, вселяя в них веселую болезнь.

... начиналось всегда одинаково: становился человек веселым, возбужденным, точно вволю попил неразведенного вина. Потом его тошнило. Только после вина проспится человек – и все, а тут несколько дней прямо наизнанку выворачивало, и по телу шли язвы. Затем пораженный веселой болезнью вроде бы успокаивался и внешне походил на здорового, но все знали, что ему уже нет спасения, что горные духи нарочно дразнят его здоровьем. Недели через две снова начиналась страшная рвота, и кровь шла даже из-под кожи, несчастный метался, бился в лихорадке и, наконец, затихал».

Современная французская писательница М. Моно посвятила этой теме роман «Туча» (в других переводах «Облако»):

«На четвертый день утром Патриция почувствовала зуд. ... ее кожа приняла странный черноватый оттенок. Чернильный цвет, вернее, цвет чернил, разбавленных водой.

... На другое утро Патриция проснулась с ожогами на щеках, затылке, руках. Места ожогов страшно распухли... У Патриции же было такое чувство, будто ее гладили горячим утюгом.

... температура у нее была сорок градусов. В этот день у нее впервые начали кровоточить десны...

С каждым днем Патриции становилось все хуже. На ее коже, там, где были кровоточащие ожоги, появились странные рубцы в форме наконечника копья. Из них непрерывно сочилась желтая жидкость, слегка смешанная с кровью. Постоянно болело горло, и страшная дизентерия¹, которую невозможно было остановить, лишала ее последних сил...

Она взяла прядь волос в руку и потянула. Прядь отвалилась и обнажился кусочек черепа... Патриция опустила веки, лишенные ресниц...

Голову покрыли вышитым чепчиком, так как волос у Патриции больше не было. В воспаленных деснах блестели длинные белые зубы... они шатались от малейшего прикосновения. Ногти ломались...

Через семь дней у Патриции наступила агония».

¹ Здесь имеется ввиду понос.

ЛИТЕРАТУРА

Ильф И., Петров Е. «Двенадцать стульев». Коми кн. изд-во, Сыктывкар, 1970, с.15.

«Неделя», 1973, № 26, с.16.

Куприн А.И. Собр. соч. в 9-ти т., т.2. М., «Худож. лит.», 1971, с.89.

Некрасов Н.А. Собр. соч. в 3-х т., т.2. М., «Худож. лит.», 1971, с.272-273.

Золя Э. Собр. соч. в 26-ти т., т.16. М., «Худож. лит.», 1965, с.77, 230.

Войскунский Е., Лукодянов И. Очень далекий Тартесс. М., «Молодая гвардия», 1968, с.197.

Моно М. Туча. М., Изд-во иностр. лит., 1958, с.46, 47, 51, 53, 43-44, 53, 78.

Коллагеновые болезни и болезни суставов

«Узнал бы жизнь на самом деле,

Подагру б в сорок лет имел...»

А.С. Пушкин. «Евгений Онегин».

Гл.6, строфа XXXVIII. XXXIX.

Много лет литературоведы и врачи спорят о рассказе И.С. Тургенева «Живые мощи». Большинство считает, что в нем изображена больная склеродермией. Возникновение заболевания после травмы (удара) позволило бы заподозрить посттравматический синдром Симмондса, но этому противоречит бронзовая окраска кожи, несвойственная этому заболеванию в отличие от хронической недостаточности надпочечников и склеродермии.

«Я приблизился – и остолебенел от удивления. Передо мною лежало живое человеческое существо, но что это было такое?

Голова совершенно высохшая, одноцветная, бронзовая – ни дать ни взять икона старинного письма; нос узкий, как лезвие ножа; губ почти не видать – только зубы белеют и глаза, да из-под платка выбиваются на лоб жидкие пряди желтых волос. У подбородка, на складке одеяла, движутся медленно перебирая пальцами, как палочками, две крошечные руки тоже бронзового цвета. Я взглядываюсь попристальнее: лицо не только не безобразное, даже красивое, - но страшное, необычайное. И тем страшнее кажется мне это лицо, что по нем, по металлическим его щекам, я вижу – силится... силится и не может расплыться улыбка.

... И как ошеломленный глядел на это темное, неподвижное лицо с устремленными на меня светлыми и мертвенными глазами.

Возможно ли? Эта мумия – Лукерья, первая красавица в всей нашей дворне, высокая, полная, белая, румяная, хохотунья, плясунья, певунья!»

Говоря о болезнях суставов, вспомним как заболевание объединило грабителя и его жертву (рассказ О'Генри «Родственные души») или перечитаем Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка»:

«Начальником штаба был назначен полковник Гербих. Это был человек больших военных способностей, которые проявились у него в форме подагры.

... За обедом он говорил с офицерами исключительно о своем отеке большого пальца на ноге, который иногда так распухал, что полковнику приходилось носить специальный сапог.

... Полковник Гербих, сидевший до сих пор спокойно, ... вдруг сделал страшную гримасу, ибо его палец... из тихого и спокойного агнца превратился в ревущего тигра, в электрический ток в шестьсот вольт, в палец, каждую косточку которого молот медленно дробит в щебень... (он) рукой махнул и заорал диким голосом...

Наконец, вопли прекратились. Палец полковника неожиданно опять превратился в агнца, приступ подагры прошел».

Известно, что подагрой болеют люди имущие:

«Подагра...

В столицу прибыла и в самый пышный дом

К Превосходительству седому села в ногу.

Подагре рай! Пошло житье у старика:

Не сходит с ним она долой с пуховика».

(И.А. Крылов «Подагра и паук»)

В литературе и в жизни «ревматизмом» (при котором тяжело страдает сердце и легко поражаются суставы) обычно ошибочно называют любые болевые ощущения в суставах (полиартрит, периартрит, синовиты, травматические поражения и пр.):

«Какой был крепкий организм,

и вот, представьте, - ревматизм!

Коленка так порой болит,

Что я хожу, как инвалид...

Подумал врач и молвил строго:

- Все обойдется, дорогой,

но не работайте так много

одною левою ногой!»

(С. Васильев «Совет опытного врача»)

ЛИТЕРАТУРА

Тургенев И.С. Собр. соч. в 6-ти т., т.1. М., «Правда», 1968, с.329.

Гашек Я. Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны. М., Гослитиздат, 1956, с.703, 706-707.

Крылов А.И. Басни и стихотворения. Л., «Сов. писатель», 1954, с.263.

Васильев С. Избр. произведения в 2-х т., т.1. М., «Худож. лит.», 1966, с.354.

Интоксикация (отравления)

«Ты в ослепительной надежде

Блаженство темное зовешь,

Ты негу жизни узнаешь,

Ты пьешь волшебный яд желаний».

А.С. Пушкин. «Евгений Онегин».

Гл.3, строфа XV.

Мировая литература предлагает полную гамму отравлений. Длительно и сильно действующее снотворное получила Джульетта М. Банделло и В. Шеспира. В романе «Доктор Глас» Я. Сёдеберга описано отравление цианистым калием, в романе Л. Фейхтвангера «Семья Оппенгейм» - барбитуратами, в повести Р.И. Фраермана «Никичен» - угарным газом, в «Вилле «Белый конь» А. Кристи – таллием, в «Яде и короне» М. Дрюона – мышьяком, в рассказе Л.Славина «Вино атаки» - действие вина с примесью наркотического вещества.

Соответственно медицинским данным приводит клинику отравления мышьяком А. Дюма («Королева Марго»):

«... У меня кружится голова, и я чувствую какую-то сухость в коже...

- Ничего, ничего, - говорил Карл с блуждающим взором и с горячным румянцем на лице, - у меня было такое ощущение, точно мне провели по животу раскаленным железом... во мне все горит, и мне кажется, что я дышу пламенем...

- ... Мне холодно, и я что-то неясно вижу... Я ничего не вижу. Разве сейчас ночь? О! Боже, сжался! Во мне все горит...

Неутомимая жажда мучила его...

Бумага (с нанесенным на нее ядом – А.Г.) вспыхнула, и едкий запах чеснока распространился по всей комнате...

Самое лучшее (противоядие – А.Г.) – яичные белки, взбитые с молоком (принятые тотчас после отравления)».

Мы уже вспомнили, что Г. Флобер, описывая страдания своей героини, отравившейся мышьяком, сам испытывал в результате психологического воздействия эти же ощущения:

«Отвратительный чернильный привкус все не проходил...

И тут ее затошнило – так внезапно, что она едва успела вытащить из-под подушки носовой платок...

Потом она начала стонать, сперва еле слышно. Плечи у нее ходили ходуном, а она сама стала блее простыни, в которую впивались ее сведенные судорогой пальцы. Ее неровный пульс был теперь почти неуловим.

При взгляде на посиневшее лицо Эммы, все в капельках пота, казалось, что оно покрыто свинцовым налетом. Зубы у нее стучали, расширенные зрачки, должно быть неясно различали предметы... кричать она стала громче...

Судорога отбросила Эмму на подушки... Она скончалась».

(Г. Флобер «Госпожа Бовари»)

Сюжет «Лунного камня» У. Коллинза основан на необычных проявлениях передозировки опия. Морфинистом был главный персонаж повести А.И. Куприна «Молох». Гашишем пользовался граф Монте-Кристо в романе А. Дюма, кокаином – действующие лица «Загадки Эндхауза» А.Кристи. В романе польского сатирика Т. Доленга-Мостовича описана групповая наркомания – отравление пэйотлем.

Когда-то ртуть использовалась шляпниками для выделки фетра. Это приводило к тяжелому поражению внутренних органов и психическим нарушениям, известных под названием «болезнь сумасшедшего шляпника». Отсюда и образ сумасшедшего шляпника в повести Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес».

Профессиональное свинцовое отравление наблюдал В. Гиляровский («Обреченные»):

«Погоди, брат, недельку поживешь, на ум каша-то не пойдет, ничего не захочешь! Я, брат, в охотку-то сперва-наперво похлестче твоего ел, а теперь и глядеть-то на еду противно, вот что!

... - От свинцу, от работы. Сперва завалы делаются, пищи никакой не захочется, потом человек ослабнет, а там положили в больницу, и умер. Вот я теперь ничего не ем, только чаем и живу, да водки когда выпью при получке...

Прошло два месяца. Кавказский все сильнее кашлял, задыхался, жаловался, что «Нутро болит». Его землистое лицо почернело еще более, и еще ярче загорелись впавшие глубже глаза...

Внизу, рядом с курятником, на двух ящиках лежал покрытый рваной солдатской шинелью Кавказский и полуоткрытым тусклым взором смотрел на небо; он еще более похудел, лицо почернело совершенно, осунулось, нос как-то вытянулся, и длинные поседевшие усы еще более опустились вниз, на давно небритую бороду. Он тяжело дышал и шевелил губами, будто хотел что-то сказать, но ни звука не слышно было из его почерневших, будто прилипших к зубам губ...

- Эх, братцы, какого человека этот свинец съел: ведь три года тому назад он не человек – сила был: лошадь одной рукой садиться заставлял, по три свинки¹ в третий этаж носил! ...».

Эти данные дополняют А. и С. Голон в романе «Анжелика в Новом Свете»:

«Кловис должен был пойти с охотниками, но как раз накануне он тяжело отравился свинцовыми парами.

... У кузница раздулся язык, и к тому же Кловис с удивлением сказал ему, что он почему-то чувствует во рту сладость.

... Они тут же дали кузнецу успокаивающую настойку, чтобы утишить колики, которые уже начинали терзать несчастного. Но средства, наиболее действенного при таком тяжелом отравлении, у них не было: не было молока... Правда, рудокопы знали, что есть одно средство: если порубить внутренности зайца и съесть их сырыми, в особенности печень и сердце, то при отравлении это вполне может заменить молоко...

... Граф де Пейрак сам приготовил снадобье и заставил Кловиса проглотить его. Кузнецу тотчас же полегчало...».

В прекрасном щемящем рассказе И. Ефремова «Озеро горных духов» образно описано отравление парами ртути:

«Я вдруг почувствовал прилив сил, зрение обострилось, далекие скалы будто надвинулись на меня, я различил все подробности их крутых склонов. Схватив кисть, с дикой энергией я подбирал краски, стараясь торопливыми мазками запечатлеть необыкновенную картину... Возбуждение, охватившее меня, ослабело, недомогание резко усилилось, словно жизненная сила утекала с кончиков пальцев, державших палитру и кисть. Предчувствие чего-то недоброго заставило меня торопиться. Я закрыл этюдник и собрал свои пожитки, чувствуя, как страшная тяжесть наваливается мне на грудь и голову...

... Тяжелое дыхание со свистом вырывалось из моей груди, когда я, борясь с упадком сил и давившей меня тяжестью, повернулся спиной к озеру. Путь до места, где, по уговору, ожидали

¹ Свинка – четыре пуда свинца.

меня мои проводники, отказавшиеся идти на Дены-Дерь, я прошел, как в смутном сне. Горы качались передо мной, приступы рвоты приводили меня в полное изнеможение. Временами я падал и долго лежал, не в силах подняться. Как я добрался до моих проводников, не помню, да это и безразлично...

Я не умер, как видите, но долго чувствовал себя очень плохо. Вялость и притупление зрения мешали жить и работать».

В первом опубликованном рассказе С. Моэма «Педантичность дона Себастьяна» есть клиника отравления белладонной:

«... вскоре он проснулся, почувствовав жажду, и выпил воды... сон будто рукой сняло; им овладело беспокойство, словно над ним нависла какая-то угроза, и он опять ощутил жажду. Он попытался встать с постели, но члены его затекли настолько, что он не смог пошевелиться. Его дыхание становилось все порывистее, а кожа сделалась необычайно сухой. Страх перешел в агонию, ему стало неважно. Судорога сжала его, и он скорчился от боли. В этот момент комната мглисто озарилась каким-то красным свечением, стало жарко, потом еще жарче, и он начал задыхаться; красное свечение слепило глаза, но он был не в силах закрыть их».

Многие писатели описывали отравление алкоголем – тяжелое опьянение, изменения личности вследствие длительного пьянства (например, В. Липатов «Серая мышь»), но только у Ж. Верна есть уникальное изображение в буквальном смысле сгоревшего от случайной искры насквозь проспиртованного пьяницы («Пятнадцатилетний капитан»).

Предостережением для юношей в отношении курения может стать образное описание ощущений мальчишки, начинающего курить. (М. Твен «Приключения Тома Сойера»):

«Они развалились на земле, опираясь на локти, и начали попыхивать трубками, очень осторожно и не без опаски. Дым был неприятного вкуса и застревал в горле, но Том сказал:

- Да это совсем легко! Если бы я знал, что это так просто, я бы давно выучился!...

- Мне кажется, я бы мог целый день курить трубку, - сказал Джо. – Ни капельки не тошнит...

И разговор продолжался. Но скоро он стал каким-то вялым и бессвязным. Паузы удлинились, курильщики стали сплевывать что-то уж очень часто. За щеками у них образовались как будто фонтаны; под языком было сущее наводнение, только успевай откачивать; заливало даже и в горло, несмотря на все старания, и все время подкатывала тошнота. Оба мальчика побледнели, и вид у них был самый жалкий. Трубка выпала из ослабевших пальцев Джо Гарпера.

То же самое случилось и с Томом. Оба фонтана работали вовсю, так что насосы еда поспевали откачивать. Джо сказал слабым голосом:

- Я потерял ножик. Пойти, что ли, поискать?

Том, заикаясь, едва выговорил дрожащими губами:

- Я тебе помогу. Ты ступай вон в ту сторону, а я пойду около ручья. Нет, ты с нами не ходи, Гек, мы и без тебя найдем.

Гек опять уселся и поджидал их около часа. Потом соскучился и пошел разыскивать своих друзей. Он нашел их в чаще леса, очень далеко друг от друга. И тот и другой крепко спали и были очень бледны. Однако он догадался почему-то, что если с ними и случилась какая-то неприятность, то теперь все уже прошло...».

К этому разделу примыкают описания кислородного голодания и вымышленной ситуации у А. Кларка («Лунная пыль») и написанная с натуры В. Саниным акклиматизация в условиях низких температур и сниженного атмосферного давления в «Новичке в Антарктиде».

ЛИТЕРАТУРА

Дюма А. Королева Марго. Баку, Азерб. кн. изд., 1955, с.438, 442, 456, 461, 465.

Флобер Г. Собр. соч. в 4-х т., т.1. М., «Правда», 1971, с.348-349, 358.

Гиляровский В. Соч. в 4-х т., т.2. М., «Правда», 1967, с.23, 25, 30, 34, 36.

Голон А. и С. Анжелика в Новом Свете. М., «Прогресс», 1973, с.501-502.

Ефремов И. Озеро горных духов. М.-Л., Детгиз, 1954, с.40-42.

Моэм У.С. Педантичность дона Себастьяна. – «Неделя», 1972, № 29, с.17.

Твен М. Избранные романы в 2-х т., т.1. М., «Худож. лит.», 1973, с.98, 99-100.

Авитаминозы, алиментарная дистрофия

«Несут на блюдечках варенья,

На столик ставят вощаной

Кувшин с брусничною водой».

А.С. Пушкин. «Евгений Онегин».

Гл.3, строфа III

«И нет ли голода, войны,

Или подобной новизны?»

А.С. Пушкин. «Евгений Онегин».

Гл. Отрывки из путешествия Онегина.

В литературе нет недостатка в описании авитаминозов А («Куриная слепота»), В1 (бери-бери), С (цынга).

«Она взглянула на него – его спокойные глаза мерцали в темноте... Он смотрел на нее, расширив зрачки. И вдруг стал неуверен. Его руки поднялись и странно засуетились в воздухе, как будто он что-то искал. Уставшим голосом произнес: - Нет, я не вижу...

Слепота оказалась не такой уж страшной. Заболевшие слепли только к вечеру, утром зрение возвращалось... Слепота уже получила название – куриная. Говорили, что она вызвана недостатком овощей и жиров». (В. Кетлинская «Мужество»).

«... увидели мертвенную, покрытую чешуйками грязи кожу, черные язвы, чудовищно раздутые икры, оплетенные набухшими жилами. Ребра несчастных выступали резко, точно обнаженные шпангоуты шхуны...

... Трое японцев протянули к нам руки – почерневшие, скрюченные, изуродованные...

Бери-бери – болезнь бедняков... сестра голода. Сорный рис и соленая рыба, которыми постоянно питаются рыбаки, доводят их до полного изнурения.

... теперь (они) терпеливо ждали конца. Судя по запавшим глазам и омертвелым конечностям, он был недалек. У одного из рыбаков уже начиналась гангрена: обе ноги до колен были пепельно-черного цвета.

... Они не притронулись к пище». (В. Диковский. «Бери-бери»).

Как помните, синдо японской шхуны хотел выдать бери-бери за чуму и этим отпугнуть советских пограничников.

«Тоскливое голодное выражение не сходило с лица Моргансона, щеки у него втянулись, скулы торчали и казались слишком туго обтянутыми кожей... У него болели ноги, и, когда он пошел к передку нарт, хромота сразу стала заметной...

Скоро цынга перешла в следующую стадию... тело стало отекать. Особенно отекали ступни и так ныли, что ночью Моргансон подолгу не мог заснуть. Потом отеки распространились до колен, и боль усилилась». (Д. Лондон «Finis»).

Цынга часто упоминается и в других северных рассказах Д. Лондона, в которых, как и в цитированном, приводятся отдельные ее симптомы. Сюжет рассказа «Ошибка господ бога» из цикла «Смок Беллью» заключается в поисках сырого картофеля для лечения тяжелой цынги у большой группы обманутых фанатичной проповедницей переселенцев. Другой народный способ лечения авитаминоза С приводят А. и С. Голон в романе «Анжелика в Новом Свете»:

«Тахутагет, державший про запас свои сюрпризы, к концу трапезы высыпал из мешка примерно один буасо мелкого риса, тонкого и длинного и такого прозрачного, словно кристаллики.

... Это рис, - сказал он, - не пища, а лекарство.

Он объяснил графу де Пейраку, что нужно рассыпать зерна на большом блюде, смочить водой и поставить в теплое место. Как только прорежутся маленькие зеленые росточки, белым людям достаточно будет немного пожевать горстку риса, чтобы поправиться от болезни, которая зимой уносит у них каждого десятого. И индеец постучал грязным пальцем по своим белоснежным зубам, великолепным, ровным зубам, которые никогда не знали, что такое цынга».

Ленинградские писатели, основываясь на документальном материале, часто упоминали о возвращенном в годы блокады Ленинграда старом способе лечения и профилактики цынги настоем из сосновых игл.

Между прочим, о лечении травами вспоминали часто – Э. Лённрот («Калевала»), А.К. Толстой («Пантелей – целитель»), Ж. Верн («Таинственный остров»), А. и С. Голон («Анжелика в Новом Свете»), В. Солоухин («Трава») и др.

Очень хотелось бы, переходя к алиментарной дистрофии, ограничиться описаниями давних лет:

«... Волосом рус,
Видишь, стоит, изможден лихорадкою,
Высокорослый, больной белорус:
Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках,
Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли: колтун в волосах...»

(Н.А. Некрасов «Железная дорога»).

«Беспощадный царь» - голод – стал использоваться для лечения болезней обмена, кожи, аллергических, для «профилактики» старости. Одну из первых книг о лечении голодом (1916) на основании собственного опыта написал не врач, а писатель – Э. Синклер.

Не думалось, что в наше время миллионы людей будут подвергнуты в пучину голода. Страдания голода, алиментарную дистрофию описывают все, кто пишет о блокаде Ленинграда (Н.Чуковский «Балтийское небо», «Девочка жизнь»; В. Кетлинская «В осаде»; А.Б. Чаковский «Это было в Ленинграде»; стихи О. Бергольц, В. Инбер и др.).

Трудно читать об этом, выбирая из строк горя, муки и гнева симптомы алиментарной дистрофии и упоминание о зажившей от голода и великого внутреннего напряжения язве двенадцатиперстной кишки (Н. Чуковский «Девочка жизнь»):

«Я еще чувствовал себя прекрасно, только в глазах иногда рябило. Появились огненные зубчатые колеса и красно-золотые геометрические фигуры... Был и другой симптом: выпадение сознания... Некоторые думают, что голод – это желание есть. На самом деле так бывает только вначале, а потом остается лишь ощущение тянущей тоскливой пустоты внутри...

Выходил я только в булочную... мне давали промерзлый кубик хлеба – мою порцию на два дня...

Возвратясь, я ложился в койку, закрывался с головой двумя одеялами, и там, в темноте, отщипывал от хлеба маленькие кусочки и клал в рот. Каждый кусочек я долго держал во рту, прежде чем проглотить. Потом засыпал.

Впрочем... трудно было понять, спал я или не спал...

Я знал, что от голода не только худеют, но и пухнут, и больше не стал спрашивать (девочку жизнь – А.Г.).

- А вы почему не в армии?

- Забракован, - ответил я. – Мне должны были делать операцию, но война помешала.

- Что же у вас было?

- Язва двенадцатиперстной кишки.

- Это самая важная кишка в человеке, я знаю.

- Может быть, и не самая важная. Но самая длинная...¹

Я теперь так же мучительно и нетерпеливо хотел есть, как в те первые дни, когда я еще только начинал голодать.

Съев суп, я теперь был готов лизать языком дно тарелки. Я съедал свой хлеб не маленькими кусочками под одеялом, как раньше, а сразу, в два откуса. Бумага, штукатурка, кирпич стали казаться мне съедобными. Это заново проснувшееся острое желание есть привело меня к участию в одном преступлении...

Мы глотали масло (техническое – А.Г.), соперничая друг с другом в жадности и бесстрашии.

... В первую же ночь у нас умерло девять человек... в муках, крича и корчась от боли... Говорили, что масло склеило им кишки. ... Но мой больной кишечник, когда-то не выдерживавший малейшего отклонения от диеты, не склеился...

- Сейчас будет тепло... Уже тепло. Вы разве не чувствуете?

- Нет... Я больше не чувствую ни тепла, ни холода... Вы же съели сами (хлеб) и принесли мне, - сказала она. – А мне не нужно... Не глотается. Проглочу – все назад. А я знаю, что это значит.

¹ Длина ее – 12 перстов, т.е. равна ширине двенадцати пальцев, общая длина кишечника – несколько метров. По современным данным 12-перстная кишка выполняет особую регулирующую пищеварение и обмен веществ роль в организме человека.

Я замолчал. Я тоже знал, что это значит...

Утром я пошел в порт, а еще через день отправился на медицинское освидетельствование. Меня просветили рентгеном¹ и язвы не нашли. Голод вылечил меня. Я ушел в армию, и следующей зимой мы пробили брешь в осаде. А еще через два года я видел, как мы осадили Берлин, который не продержался и двух недель».

Нужно, чтобы больше никогда не пришлось читать новых описаний голодной смерти, чтобы голод на веки веков остался только методом лечения.

И невольно думается, что среди памятников Ленинграда не хватает одного – скромного, на высоком пьедестале, - памятника «пайке» хлеба. Он много сказал бы и тем, кто знал лишения, и тем, кто лишь слышал о них.

ЛИТЕРАТУРА

Кетлинская В. Мужество. Л., «Худож. лит.», 1970, с.163, 164, 165, 169.

Диковский С. Патриоты. Повесть. – Рассказы. М., Гослитиздат, 1962, с.377, 338, 343, 344.

Лондон Д. Собр. соч. в 14-ти т., т.12. М., «Правда», 1961, с.390, 391, 395.

Голон А. и С. Анжелика в Новом Свете, с.514-515.

Некрасов Н.А. Собр. соч. в 3-х т., т.2. М., «Худож. лит.», 1971, с.110.

Чуковский Н. Цвела земляника. М., «Молодая гвардия», 1970, с.183, 196, 200, 204, 205, 209, 210, 211.

¹ Лучами Рентгена.

Инфекционные болезни

«Какие новые товары

Вступили нынче в карантин?

Пришли ли бочки жданных вин

И что чума?»

А.С. Пушкин. «Евгений Онегин».

Гл. Отрывки из путешествия

Онегина.

Не раз в художественной литературе фигурируют инфекционные болезни: клиника и эпидемиология чумы в первом дне «Декамерона» Д. Боккаччо, у С. Льюиса («Эрроусмит»), а также у А. Камю в «Чуме»:

«Несколько случаев – это еще не эпидемия, и, в общем-то, достаточно принять необходимые меры. Следовало держаться того, что уже известно, например, ступор, прострация, покраснение глаз, обметанные губы, головные боли, бубоны, мучительная жажда, бред, пятна на теле, ощущение внутренней распятости, а в конце концов... Пульс становится нитеобразным, и любое, самое незначительное движение влечет за собой смерть».

Проказа, нравы прокаженных, быт лепрозория описаны в рассказах Д. Лондона «Кулау-прокаженный», «Шериф Коны», романе Г.И. Шилина «Прокаженные», рассказе С. Мартынова «Испытание».

Картина дифтерии и врачебный подвиг доктора Дымова описаны А.П. Чеховым в повести «Попрыгунья».

Малярия нашла отражение в «Олесе» А.И. Куприна:

«Ровно шесть дней била меня неотступная ужасная полесская лихорадка. Днем недуг как будто бы затихал, и ко мне возвращалось сознание. Тогда, совершенно изнуренный болезнью, я еле-еле бродил по комнате с болью и слабостью в коленях; при каждом более сильном движении кровь прилиwała горячей волной к голове и застилала мраком все предметы перед моими

глазами. Вечером же, обыкновенно часов около семи, как буря, налетел на меня приступ болезни, и я проводил на постели ужасную, длинную, как столетие, ночь, то трясясь под одеялом от холода, то пылая невыносимым жаром. Едва только дремота слегка касалась меня, как странные, нелепые, мучительно-пестрые сновидения начинали играть моим разгоряченным мозгом...

Потом я просыпался или, вернее, не просыпался, а внезапно заставлял себя бодрствующим.

Сознание почти возвращалось ко мне... Но вот опять овладевала мною тонкая дремота, и опять мой мозг делался игрищем пестрого кошмара, и опять через две минуты я просыпался, охваченный смертельной тоской...

Через шесть дней моя крепкая натура, вместе с помощью хинина и настоя подорожника, победила болезнь».

Безукоризненно точно и деловито описана малярия Ж. Верном («Таинственный остров»):

«Герберт с каждым днем становился все слабее. У него начиналась какая-то новая болезнь, и Гедеон Спилет чувствовал, что он бессилен бороться с ней.

Герберт все время был в забытьи. Временами он бредил. Единственное лекарство, которым располагали колонисты, - это прохладительные настойки. Но они не помогали.

Температура вначале была невысокой, но вскоре у больного начались приступы лихорадки, во время которых жар был очень силен.

6 декабря у Герберта был особенно сильный приступ, длившийся почти пять часов. По его телу пробегали частые судороги, пульс стал слабым, чуть заметным. Жажда непрерывно томила больного. Затем резко повысилась температура. Лицо загорелось, пульс участился. Потом выступил холодный пот, и жар стал спадать.

... у Герберта началась перемежающаяся лихорадка; следующий приступ уже представлял грозную опасность для жизни юноши.

- Для того, чтобы предотвратить этот приступ, нужно какое-нибудь жаропонижающее средство...

- Но какое? ... Ведь у нас нет здесь хинина.

- Но зато на берегу озера растут ивы. Кора этого дерева иногда может заменить хинин...

Действительно, ивовая кора обладает рядом свойств, позволяющих применять ее вместо хинина. Правда, действие ее значительно слабее, особенно когда ею пользуются в натуральном виде, а не путем излечения ее алкалоида – салициловой кислоты...

Кроме того, он (Гедеон Спилет) заметил, что в промежутках между приступами Герберт чувствует себя разбитым, голова у него тяжелая и он часто впадает в бессознательное состояние. Наконец, еще один симптом, выявившийся в конце дня, встревожил до последней степени журналиста: у Герберта стала болеть печень».

Тяжелый случай кори у взрослого, принятый за черную оспу, мы также нашли в романе А. и С. Голон «Анжелика в Новом Свете», где особенно хорошо звучат слова героини о роли самого больного в преодолении болезни:

«Индеец не сопротивлялся, безучастный, бесчувственный. Горячее дыхание вырывалось из его груди, воспаленные пересохшие губы были неприятного фиолетового цвета. Лицо пылало от жара и все оказалось испещрено темно-красными пятнышками...

Оспа! ... Черная оспа... Ужасная оспа...

... Их лица были багровые. Когда приподняли их веки, увидели, что глаза у них словно налиты кровью. Дышали они тяжело, со свистом, и все трое были без памяти...

... Да, это явные симптомы оспы, не отрицаю, но мы не видим еще характерных пустул на теле. Только красные пятнышки...

... Они тихонько обсудили втроем, какие меры предосторожности нужно принять, какие отдать распоряжения. Маколле сказал, что гуронов он берет на себя. Водка, он хорошо знает это по личному опыту, лучший защитник от всех повальных болезней.

... Что ж, он будет пить водку, еще чаще – полоскать себе горло, а также протирать руки после возни с индейцами...

... Изоляция – вот самое лучшее средство, чтобы не заразиться. ... Им принесут провизию, и они сами будут готовить для себя и для детей. На воздух они будут выходить прямо из комнаты, через окно.

... Она втолковывала им:

- Завтра у вас начнется кризис, вам будет очень тяжело. Но не зовите меня каждые пять минут... Я поставлю около вас кувшин с отваром и чарку. От вас потребуется только одно – чтобы

вы пили, так делайте же это. Ведь когда вы оказываетесь перед лицом врага, который желает вам зла, вы хватаетесь за нож и не ждете, чтобы кто-то сделал это за вас...».

В поэтическом образе приведен Э. Багрицким самый яркий симптом скарлатины – специфическая сыпь на лице:

«Тоньше паутины

Из под кожи щек

Тлеет скарлатины

Смертный огонек».

(«Смерть пионерки»).

Приведем еще строки из романа А. Кронина «Путь Шеннона»: «Она очень больна. Если бы она сразу легла, положение ее сейчас было бы куда лучше, а она целую неделю ходила с головной болью и температурой. Но такие случаи нередки при скарлатине...

... и взгляд мой, скользнув по белому одеялу, остановился на лице Джин.

Она лежала на спине, широко раскрыв глаза и теребя исхудавшими руками простыню; ее дрожащие, пересохшие губы, которые она то и дело облизывала, непрерывно шевелились, бормоча что-то. На белой, низко положенной подушке ее лицо с зачесанными назад волосами выглядело заострившимся и исхудалым. На щеках выступили не яркие пятна, как это бывает при высокой температуре, а тусклый, темный румянец; нахмуренный лоб был весь в красноватых точечках, которые частично успели уже побледнеть, приняв коричневатый оттенок, характерный для скарлатинной сыпи».

Эпидемиология брюшного тифа (заражение от бациллоносителя) нашла отражение в «Эрроусмите» С. Льюиса.

Эпидемиологию и клинику сыпного тифа находим в «Педагогической поэме» А.С. Макаренки, киноповести «Поэт» В. Катаева, «Кондуите и Швамбрании» Л. Кассиля:

«Тогда комиссар объясняет, что надо спешно расклеить в казармах и на Брешке большие плакаты о сыпняке... Надо самим нарисовать. Надо написать крупными буквами и нарисовать большую вошь...

... Гордясь своим творением, мы поднесли его Чубарькову. Вот что написано на плакате:

При чистотке хорошей

Не бывает вошей.

Тиф разносит вша.

Точка, и ша!

Но комиссар уперся в плакат невидящими глазами. Он сидит на парте, странно раскачиваясь, и что-то бормочет.

- Чего же они не встречаются? ... - беспокойно шепчет комиссар. – Пуцай встренутся... И точка...

- Кто не встречается, товарищ Чубарьков? – спрашиваю я.

- Да они же, А и Б... путе...шественники...

Гибельным тифозным жаром пышит комиссар...

- Знаешь, Леля... А комиссара теперь самоваром лечат. Я слышал, папа по телефону в военкомат звонил и говорит: три дня, говорит, на конфорке его держу...

- Ну правда же, Леля! Его, наверно, как меня, помнишь, когда ложный круп был, горячим паром надыхивали...

- каким самоваром?

- Ты же сам, папа, по телефону говорил, - не сдается Оська, - что третий день держишь комиссара на конфорке.

Папа коротко и невесело усмехается:

- Дурындас! На камфаре мы его держим. Понятно? Инъекции делаем, уколы, каждые шесть часов. Сердце у него не справляется...

... Температура, понимаешь, жарит все время за сорок. А организм истощен возмутительно. Абсолютно заездил себя работой человек. И питание с пятого на десятое. Ну вот, теперь и расхлебывай...

... Но кризиса все нет и нет. А температура у комиссара с каждым днем все выше и выше. И сил с каждым часом все меньше и меньше. Неужели «Точка, и ша», как сказал бы сам комиссар в таком случае...

... Да-нет... Сдюжит – не сдюжит...

... Сейчас спит ваш комиссар, как новорожденный. Чего и вам желаю».

Поведение ребенка во время болезни бывает различным. Один из вариантов наблюдал Г. Шевалье:

«Полагают, что хороший аппетит и крепкое здоровье являются причиной прекрасного настроения. Пом. Но иногда и ей приходилось поболеть гриппом, корью, свинкой. В дни болезни она становилась тихонькой, кроткой: только вздыхает да протягивает руки, чтобы кто-нибудь их потрогал и прикоснулся к ее пылающему лбу. Выздоровливая, она целыми днями сидит в кровати со своей собакой и куклами, расположив их на одеяле. Как только Пом становится лучше, ее уже невозможно удержать в постели. Она испытывает ужас перед огнедышащими банками, боится градусника. Зато довольно охотно глотает лекарства, если они не горькие и у них еще неизведанный вкус.

Было время, когда, проснувшись, она часто жаловалась на головную боль. Однако заметили, что боль эта всякий раз исчезает к девяти часам, когда уже поздно идти в школу. Ей сказали об этом – с тех пор она страдает мигренью гораздо реже».

Любопытный сюжетный ход нашел Я. Гашек для рассказа «Спасен»: приговоренному к смерти преступнику откладывают казнь, пока он не выздоровеет от пищевой токсикоинфекции (салмонеллез? ботулизм?).

В «Похождениях бравого солдата Швейка» Я. Гашек проводит дифференциальный диагноз между дизентерией и холерой, обнаруживая глубокое знание предмета:

«Когда кадет Биглер узнал, что у него дизентерия, он пришел в восторг...

В госпитале с ним произошла маленькая неприятность: ввиду того, что в дизентерийном бараке все места были заняты, кадета перевели в холерный барак.

Когда Биглера выкупали и сунули подмышку термометр, штабной врач задумчиво покачал головой: «37! Худший симптом при холере – сильное падение температуры. Больной становится апатичным...».

Действительно, кадет Биглер не проявлял ни малейших признаков волнения. Он был необычайно спокоен, повторяя про себя, что все равно страдает за государя императора.

Штабной врач приказал поставить термометр в задний проход.

- Последняя стадия холеры, - решил штабной врач. – Начало конца. Крайняя слабость, больной перестает реагировать на окружающее, сознание его затемнено. Умиравший улыбается в предсмертной агонии.

Действительно, кадет Биглер улыбался улыбкой мученика и даже не пошевелился, когда ему в задний проход вставили термометр. Он воображал себя героем.

- Симптомы медленного умирания, - определил штабной врач. – Пассивность...

Для верности он спросил венгерского санитаря унтер-офицера, была ли у кадета рвота и понос в ванне.

Получив отрицательный ответ, врач посмотрел на Биглера. Если при холере прекращается понос и рвота, то наряду с предшествующими симптомами это типичная картина последних часов перед смертью.

Кадет Биглер, которого вынули из теплой ванны и совершенно голого положили на койку, страшно озяб. У него зуб на зуб не попадал, а все тело покрылось гусиной кожей.

- Вот видите, - по-венгерски сказал штабной врач. – Сильный озноб и похолодевшие конечности. Это – конец».

Любопытно, но лишь из «Доктора Айболита» К. Чуковского современный читатель узнает, что сравнительно легкая разновидность холеры (типа Эль-тор) называлась раньше холериной.

ЛИТЕРАТУРА

Камю А. Избранное. М., «Прогресс», 1969, с.164.

Куприн А.И. Собр. соч. в 9-ти т., т.2. М., «Худож. лит.», 1971, с.353, 354.

Верн Ж. Таинственный остров. М.-Л., Детгиз, 1936, с.645-647.

Голон А. и С. Анжелика в Новом Свете, с.428, 430-431, 434, 441.

Багрицкий Э. Стихотворения. Л., «Сов. писатель», 1956, с.198.

Кронин А. Путь Шеннона. М., 1959, с.247, 249-250.

Кассиль Л. Кондуит и Швамбрания. М., «Дет. лит.», 1967, с.258, 260-262, 263-264.

Шевалье Г. Моя подружка Пом. М., Гослитиздат, 1963, с.149.

Гашек Я. Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны. М., Гослитиздат, 1956, с.502-503.

Неврозы и мнительность

«Недуг, которого причину

Давно бы отыскать пора,

Подобный английскому сплину,

Короче: русская хандра...»

А.С. Пушкин. «Евгений Онегин».

Гл.1, строфа XXXVIII.

Неврозы – это распространенное заболевание, проявляющееся утомляемостью, раздражительностью и разными болевыми ощущениями, не имеющими органической основы (Ж.Б. Мольер «Мнимый больной»). А.И. Куприн так охарактеризовал внутренний мир такого человека («Молох»):

«Его нежная, почти женственная натура жестоко страдала от грубых прикосновений действительности, с ее будничными, но суровыми нуждами. Он сам себя сравнивал в этом отношении с человеком, с которого заживо содрали кожу. Иногда мелочи, не замеченные другими, причиняли ему глубокие и долгие огорчения».

У больных неврастенией, реактивными состояниями аппетит обычно снижен. Иногда возбуждение, тяжелые события и переживания, наоборот, усиливают аппетит:

«... За столом Финбоу завел непринужденный разговор о крикете и о музыке, но остальные не поддержали его и с жадностью набросились на еду. Несмотря на трагедию, разыгравшуюся утром, мы ели с волчьим аппетитом. «Несмотря», я сказал? Это широко бытующее заблуждение. Глубокие переживания становятся иногда причиной непомерного аппетита, и, возможно, мы с

остервенением поглощали жесткий, как подошва, ростбиф именно благодаря тому, что стали участниками драматического события, а не вопреки этому». (С. Сноу «Смерть под парусом»).

Своеобразный, но действенный метод лечения истерического припадка применил Мэнсон («Цитадель» А.Д. Кронина).

Правильно подметил М. Зощенко: за «нервностью» иногда скрывается невоспитанность, грубость, хамство (рассказы «Нервные люди», «Больные»).

Зло писал о неврастении от безделья С. Льюис («Эрроусмит»):

«Правда, в клинике, пожалуй, слишком много просвечивали рентгеном искаченных светской жизнью женщин, которым больше пользы принесли бы роды и мытье полов, чем изящные маленькие рентгенограммы...».

Мы не касаемся других заболеваний нервной системы, - сделаем лишь исключение для гипоталамического (диэнцефального) синдрома, который обычно приходится дифференцировать с неврозами:

«После случайной контузии, полученной при религиозных беспорядках 1906 года (действие происходит вскоре после революции) в Бенгалии, англичанин страдал жестокими приступами невралгии.¹ В поездке Евгения Ивановна привыкла оказывать ему помощь...

Англичанин дремал, отваливаясь на спинку сиденья. Шляпа лихо съехала на висок, закушенные губы исчезли. Начинался очередной припадок...

Ночью произошла суматоха. Англичанину потребовались припарки, но горячей воды не удалось добыть... Пришлось ограничиться втиранием смягчительных средств, на что ушла половина ночи. Припадки проходили внезапно, как и наступали, без последствий». (Л. Леонов «Evgenia Ivanovna»).

Самое интересное заключается в том, что повесть написана в 1938 году, когда в специальной литературе существовали отдельные описания единичных случаев гипоталамического синдрома, и он не был выделен как нозологическая единица (самостоятельное заболевание). В широкой врачебной практике это заболевание диагностируется с шестидесятых годов, что свидетельствует об удивительной наблюдательности и точности Л.М. Леонова и может служить основанием для установления его приоритета...

¹ Здесь этот термин применен неправильно.

Неврозы, как и токсический зоб, по непонятным причинам, привлекают юмористов. Один из них, В. Санин, посвятил этой теме повесть «Остров веселых Робинзонов». С современных медицинских позиций он излагает лечение неврастении: режим дня, пребывание на воздухе, физический труд.

Или вспомним «находку для медицинского факультета» в повести Д. Джерома «Трое в одной лодке»:

«Странное дело: стоит мне прочесть объявление о каком-нибудь патентованном средстве, как я прихожу к выводу, что страдаю той самой болезнью, о которой идет речь, причем в наиопаснейшей форме...

Как-то раз я зашел в библиотеку Британского музея, чтобы навести справку о средстве против пустячной болезни, которую я где-то подцепил, - кажется, сенной лихорадки. Я взял справочник и нашел там все, что мне было нужно; а потом, от нечего делать, начал перелистывать книгу, просматривая то, что там сказано о разных других болезнях...

Несколько минут я сидел, как громом пораженный; потом, с безразличным отчаянием, принялся переворачивать страницы дальше. Я добрался до холеры, прочел о ее признаках и установил, что у меня холера, что она мучает меня уже несколько месяцев, а я об этом и не подозревал. Мне стало любопытно: чем я еще болен? Я перешел к пляске святого Витта и выяснил, как и следовало ожидать, что ею я тоже страдаю; тут я заинтересовался этим медицинским феноменом и решил разобраться в нем досконально. Я начал прямо по алфавиту. Прочел об анемии и убедился. Что она у меня есть и что обострение должно наступить недели через две. Брайтовой болезнью, как я с облегчением установил, я страдаю лишь в легкой форме, и будь у меня она одна, я мог бы надеяться прожить еще несколько лет. Воспаление легких оказалось у меня с серьезными осложнениями, а грудная жаба была, судя по всему, врожденной. Так я добросовестно перебрал все буквы алфавита, и единственная болезнь, которой я у себя не обнаружил, была родильная горячка (в других переводах – вода в колене – А.Г.)...

Я задумался. Я думал о том, какой интересный клинический случай я представляю собой, какой находкой я был бы для медицинского факультета. Студентам незачем было бы практиковаться в клиниках и участвовать во врачебных обходах, если бы у них был я. Я сам – целевая клиника. Им нужно только совершить обход вокруг меня и сразу же отправляться за дипломами...

Я вступил в читальный зал счастливым, здоровым человеком. Я выполз оттуда жалкой развалиной».

Столь же точно наблюдение Дж. Даррела:

«Существовала только единственная вещь на свете, которая могла озарить улыбкой мрачное лицо Лугареции, зажечь огонь в ее смиренных глазах, - это разговоры о своих болезнях. Если большинство людей предается ипохондрии лишь в свободное время, то Лугареция превратила это хобби в свое постоянное занятие. Когда мы только что поселились в доме, предметом ее беспокойства был желудок. Сведения о его состоянии начинали поступать с семи часов утра, когда Лугареция приносила нам чай. Передвигаясь с подносом из одной комнаты в другую, она каждому из нас давала самый полный отчет о своих приступах. Описания ее отличались необыкновенной наглядностью. Шлепая по комнатам, Лугареция вздыхала, стонала, корчилась от боли и давала нам настолько реалистическую картину своих страданий, что все мы начинали испытывать то же самое.

В скором времени желудок Лугареции поправился, все мы вздохнули с облегчением, но увы, почти сразу же что-то вдруг случилось с ее ногами, и она с непрерывными жалобными стонами, прихрамывая, ковыляла по всему дому... Лугареция имела обыкновение неслышно подбираться к человеку сзади и громко стонать у него над ухом. После того как Лугареция сняла в столовой башмаки, чтобы продемонстрировать, какие именно пальцы у нее болят, Ларри стал завтракать в своей комнате».

Аналогичные сюжеты есть и у других юмористов. В рассказе Л. Таби «Боюсь...» страх перед болезнью был навеян не мнительностью больного, а, к сожалению, неправильной санитарно-просветительной работой, обилием популярной медицинской литературы.

Любопытно, что 100 лет назад дело обстояло так же:

«Тетя поли встревожилась. Она перепробовала на нем все лекарства. Она была из тех людей, которые увлекаются патентованными средствами и всякими новыми лекарствами и способами укрепления здоровья. В своих опытах она доходила до крайностей. Как только появлялось что-нибудь новенькое по этой части, она загоралась желанием испытать это средство: не на себе, потому что она никогда не хворала, а на ком-нибудь из тех, кто был под рукой. Она подписывалась на все медицинские журналы и шарлатанские брошюры френологов и дышать не могла без красноречивого невежества, которым они были напичканы. Как проветривать комнаты, как ложиться спать, как вставать, что есть и что пить, сколько гулять, какое расположение духа в себе поддерживать, какую одежду носить – весь этот вздор она принимала на веру, как евангельскую истину, не замечая, что медицинские журналы нынче опровергают все, что советовали вчера».

Против строгой регламентации жизни только по медицинским и гигиеническим рекомендациям выступает С. Ликок («Как дожить до двухсот лет»), однако нужно помнить, что это все же шутка:

«Наши молодые люди одержимы Манией Здоровья.

И отравляют существование всем окружающим.

Они встают немыслимо рано. Они выходят на улицу в смешных коротеньких штанишках и еще до завтрака занимаются марафонским бегом. Они носятся босиком по траве, чтобы омочить ноги росой. Они охотятся за озоном. Они не могут жить без пепсина. Они не станут есть мясо, потому что в нем слишком много азота. Они не станут есть фрукты, потому что в них совсем нет азота.

Белок, крахмал и азот они предпочитают пирогу с черникой и пышкам...

Послушайте. Хотите дожить до настоящего пожилого возраста, хотите насладиться великолепной, цветущей, роскошной, самодовольной старостью и изводить своими воспоминаниями всех ваших соседей?

Если да, бросьте эти глупости. Выкиньте их из головы. По утрам вставайте в нормальное время. Вставайте тогда, когда вам необходимо встать, - ни минутой раньше. Если ваша контора открывается в одиннадцать, вставайте в десять тридцать... Если ваша работа начинается в семь утра, вставайте без десяти семь, но только уж не лгите, утверждая, будто вам это нравится. Вы отлично знаете, что тут нет ничего приятного.

Кроме того, прекратите эту возню с холодными ваннами. Ведь не принимали же вы их, когда были мальчишкой. Так не будьте дураком и теперь. Если вам так уж необходимо принимать по утрам ванну (хотя в этом, право же, нет никакой нужды), то пусть она будет горячей. Удовольствие, которое вы получаете, когда выскочив из холодной постели, залезаете в горячую ванну, делает самую мысль о холодной воде просто невыносимой. И, уж во всяком случае, перестаньте болтать о всех ваших «водных процедурах», словно вы единственный человек, который когда-нибудь мылся.

Ну, хватит об этом.

Давайте поговорим о микробах и бациллах. Перестаньте бояться их. В этом все дело. Да, это основное, и если вы раз и навсегда усвоите это, больше вам не о чем тревожиться.

Увидев бациллу, подойдите ближе и посмотрите ей прямо в глаза. Если одна из них влетит к вам в комнату, лупите ее шляпой или полотенцем. Ударьте ее как следует в солнечное сплетение. Ей быстро надоест все это...

Поймите, ведь это только выдумка современной медицины – считать, что причина холеры, тифа или дифтерита кроется в бациллах и микробах. Чепуха! Причиной холеры является страшная боль в животе, а дифтерит происходит от попытки лечить больное горло...

И послушайте – не заботьтесь вы о том, содержится ли в вашей пище крахмал, белок, клейковина и азот. Если вы такой осел, что хотите есть подобные вещи, пойдите купите их себе и ешьте на здоровье. Сходите в прачечную, наберите там целый мешок крахмала и ешьте сколько влезет. Съешьте все, запейте хорошим глотком клея, а потом добавьте полную ложку портлендского цемента. И вы будете склеены хорошо и прочно.

... Только не надо думать, что можно примешивать все эти вещества к вашей пище. В обыкновенных кушаньях, которые мы едим, нет никакого азота, фосфора или белка. В каждом приличном доме хозяйка смывает всю эту дрянь в кухонной раковине, перед тем как подать пищу на стол.

И еще два слова по поводу свежего воздуха и физических упражнений. Не хлопчите вы, пожалуйста, ни о том, ни о другом. Напустите в свою комнату побольше свежего воздуха, а потом закройте окна и не выпускайте. Вам хватит его на долгие годы. И не заставляйте ваши легкие работать без передышки. Пусть они отдохнут. Что касается физических упражнений, то, если уж вам без них не обойтись, занимайтесь ими – и помалкивайте. Но если вы можете позволить себе нанять человека, который стал бы играть за вас бейсбол, участвовать в кроссах или заниматься гимнастикой, пока вы сидите в тени и покуриваете, глядя на него, - тогда... ну, тогда... о господи! – чего же еще вам остается желать?»

ЛИТЕРАТУРА

Куприн А.И. Собр. соч. в 9-ти т., т.2. М., «Худож. лит.», 1971, с.72.

Современный английский детектив. М., «Прогресс», 1971, с.90-91.

Льюис С. Собр. соч. в 9-ти т., т.3. М., «Правда», 1965, с.316.

Леонов Л. Собр. соч. в 10-ти т., т.8. М., «Худож. лит.», 1971, с.153, 131, 161.

Джером Д. Трое в одной лодке. Рассказы. М., «Худож. лит.», 1970, с.19-21.

Даррел Д. Моя семья и звери. М., «Мир», 1971, с.88, 89.

Твен М. Избранные романы в 2-х т., т.1. М., «Худож. лит.», 1973, с.75.

Ликок С. Юмористические рассказы. М.-Л., «Худож. лит.», 1967, с.38-43.

Врачебная деонтология

«Но, боже мой, какая скука
С больным сидеть и день и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же чорт возьмет тебя!»

А.С. Пушкин. «Евгений Онегин».

Гл.I, строфа I.

Этот неотъемлемый раздел медицины мало известен непрофессионалам. Деонтология – это учение о должном обращении с больным, о тонкостях общения с ним, умении врача воздействовать на больного словом и даже своим обликом, об этических нормах поведения врача.

Учение о должном тесно соприкасается с понятием об искусстве врачевания, о котором так правильно размышляет А.И. Куприн («Доктор» из серии очерков «Киевские типы»):

«... что ни человек, то новый, совершенно отличный от другого организма и что поэтому от одной и той же болезни Ивана следует лечить иначе, чем Петра... Но опыт (здесь – иронический смысл – А.Г.) все-таки самое главное... Иван и Петр, страдающие одной и той же болезнью, но представляющие собой совершенно отличные друг от друга организмы, сливаются в одном собирательном лице пациента, который для уменьшения жара должен глотать фенацетин, а от расстройства нервов принимать kali bromati».

Вопросы деонтологии волнуют писателей не меньше, если не больше, чем врачей; во всяком случае писатели пишут о них чаще (В.В. Вересаев, С. Цвейг «Нетерпение сердца», А. Фадеев «Разгром», Ю. Герман «Подполковник медицинской службы», трилогия об Устименко и др.). Л.Н. Толстой в «Анне Карениной» писал:

«Знаменитый доктор, не старый еще, весьма красивый мужчина, потребовал осмотра больной. Он с особенным удовольствием, казалось, настаивал на том, что девичья стыдливость есть только остаток варварства и что нет ничего естественнее, как то, чтоб еще не старый мужчина ощупывал молодую обнаженную девушку. Он находил это естественным, потому что делал это каждый день и при этом ничего не чувствовал и не думал, как ему казалось, дурного, и поэтому стыдливость в девушке он считал не только остатком варварства, но и оскорблением себе».

Внутренний мир больного, психология его и родственников раскрыты в очень многих перечисленных или цитированных книгах. (П. Руане «Кастель», С. Цвейг «Нетерпение сердца», А.Грин «Корабли в Лиссе» и др.).

Ю. Крелин («Всего полгода») в нескольких строчках точно передает неоправданный, с точки зрения врача, негативизм больного, узнавшего, что одни и те же таблетки назначаются при ревматизме и тромбофлебите.

Сейчас при обилии медицинской техники (и увлечении ею) уместно вспомнить слова И. Ильфа («Записные книжки»):

«Система Союзтранса. Толчая. Унижение. Высокомерие. В рентгеновском кабинете тоже самое. Больные толпятся возле аппаратов, врачи работают, и медицинская тайна блистает на их лицах».

«Образцовые» больничные порядки, «чуткий» медицинский персонал наблюдал М. Зощенко (рассказ «История болезни»):

«... только больного привезли, записывают его в книгу, и вдруг он читает на стене плакат: «Выдача трупов от 3-х до 4-х».

Не знаю, как другие больные, но я прямо закачался на ногах, когда прочел это воззвание...

Фельдшер, или, как там его, - лекпом, удивился, что я ему так сказал, и говорит:

- Глядите: больной, и еле он ходит, и чуть у него пар изо рта не идет от жара, а тоже, говорит, наводит на все самокритику. Если, говорит, вы поправитесь, что вряд ли, тогда и критикуйте, а не то мы действительно от трех до четырех выдадим вас в виде того, что тут написано, вот тогда будете знать...

И тут сестричка подскочила:

- Пойдемте, говорит, больной, на обмывочный пункт.

Но от этих слов меня тоже передернуло...

Медсестра говорит:

- Даром что больной, а тоже, говорит, замечает всякие тонкости. Наверно, говорит, вы не выздоровеете, что во все нос суετε...

И вот я стал раздеваться и вдруг вижу, что в ванне над водой уже торчит какая-то голова...

Сестра говорит:

- Да это тут одна больная старуха сидит. Вы на нее не обращайтесь внимания... она ни на что не реагирует...

Я говорю:

- Старуха не реагирует, ноя, может быть, еще реагирую...».

Похожую картину нарисовал В. Ардов в рассказе «Целительница». О важности заботы о душе больного, укреплении его веры в выздоровлении писали в трогательных рассказах Б. Прус («Жилет»), О'Генри («Последний лист»). Вряд ли быстро забудется «боцман-акушерка» из удивительно чистых и энергичных рассказов Б. Горбатова («Боцман с «Громобоя» из цикла «Обыкновенная Арктика»).

Просто и сильно сказал В. Шекспир:

«Хоть ты меня не любишь, обмани

Меня поддельной, мнимой любовью.

Кто доживает считанные дни,

Ждет от врачей надежды на здоровье».

Начало и конец человеческой жизни обычно связаны с врачами. Особенно много ждут от врачей в конце жизни:

«До обидного жизнь коротка,

Ненадолго венчают на царство, -

От глотка молока – до глотка

Подносимого с плачем лекарства».

(В. Шефнер «Глоток»)

И ждут не только ложки горького лекарства, но утешения, доброго слова мудрости, терпения и надежды.

Вопросы деонтологии могли бы составить отдельную тему.

ЛИТЕРАТУРА

Куприн А.И. Собр. соч. в 9-ти т., т.1. М., «Худож. лит.», 1970, с.418, 419.

Толстой Л.Н. Собр. соч. в 20-ти т., т.8. М., «Худож. лит.», 1963, с.140.

Ильф И., Петров Е. Собр. соч. в 5-ти т., т.5. М., Гослитиздат, 1961, с.245.

Зощенко М. Рассказы и повести. 1923-1956. Л., «Сов. Писатель», 1960, с.129-130.

Шекспир В. Сометы. Пер. с англ. С. Маршака. М., «Худож. лит.», 1963, с.158.

Шефнер В. Стихотворения. Л., Лениздат, 1972, с.137.

Вопросы лечения

«В конце письма поставить vale».¹

А.С. Пушкин. «Евгений Онегин».

Гл.I, строфа VI.

Гораздо реже описания болезней в художественной литературе даются гигиенические рекомендации или сведения о лечении. Приведем одну выдержку, показывающую ироническое отношение писателей прошлого к возможностям медикаментозной терапии:

«Все рецепты доктора Бонфиля имели грозный вид обвинительного акта. Перечень лекарств, разбитый на многочисленные параграфы, по две, по три строчки в каждом, выстраивался на большом листе линованной бумаги, исписанной его торопливым почерком, чернея рядами колючих, как пики, остроконечных букв.

Микстуры, пилюли, порошки, которые предписывалось принимать утром натощак, в полдень или вечером, следовали друг за другом свирепыми отрядами.

Казалось, они возглашали: «Ввиду того, что господин имярек страдает хронической, неизлечимой, смертельной болезнью, он обязан принимать:

- 1) Сернокислый хинин, от которого он оглохнет и потеряет память.
- 2) Бромистый калий, от которого у него испортится желудок, ослабеют умственные способности, по лицу пойдут прыщи, а дыхание станет зловонным.
- 3) Йодистый калий, который иссушит все железы внутренней секреции, необходимые как для деятельности мозга, так и для прочих функций организма, и очень быстро превратит больного в слабоумного импотента.
- 4) Салициловый натрий, целительное действие которого еще не доказано, зато он, по-видимому, обеспечивает больному скоропостижную кончину.

А помимо сего, прописывается ему:

¹ vale – будь здоров (латин.).

Хлорал, приводящий к сумасшествию, белладонна, вызывающая слепоту, всякого рода растительные настои, всякого рода минеральные смеси, кои портят кровь, подтачивают все органы, разъедают кости и убивают тех, кого пощадила болезнь.

Он строчил долго, исписал одну сторону листа, потом другую и наконец поставил свою подпись, как судья, вынесший смертный приговор.

Молодая женщина, сидя напротив доктора Бонфиля, смотрела на него, и губы ее морщились от еле сдерживаемого смеха».

Любопытно, что все перечисленные доктором Бонфилем лекарства сохранились во врачебном арсенале до сих пор...

Мы, естественно, не могли упомянуть все описания внутренних болезней. Нашей задачей было привлечь внимание к возможности читать художественные произведения как специальные учебники (было бы неплохо, если б учебники воспринимались как литературные произведения).

Нам кажется, что описания болезней в художественной литературе не просто интересны: в них есть то, чего не встретишь в профессиональном изложении – восприятия болезней больным и окружающими, выраженного образным языком, отличным от сухого выхолощенного языка учебников; кроме того, больные и их близкие часто обращают внимание не на главные (с врачебной точки зрения) симптомы заболевания.

Это особенно важно для тех, кто еще не научился понимать психологию больного, угадывать невысказанные мысли и вопросы больных и их родственников.

Э. Кроткому принадлежит афоризм: «микроинфаркт – это вежливая форма инфаркта». Можно сказать, что художественная литература – это приятная форма изучения внутренних болезней.

ЛИТЕРАТУРА

Мопассан Г.де. Полн. собр. соч. в 12-ти т., т.7. М., «Правда», 1958, с.9-10.

Кроткий Э. Отрывки из ненаписанного. – «Крокодил», 1963, № 13, с.10.

Содержание	стр.
Болезни сердца и сосудов	4
Болезни лёгких	15(12)
Болезни желудочно-кишечного тракта	20(16)
Болезни почек	28(22)
Заболевания эндокринной системы и обмена веществ	29(23)
Болезни системы крови и лучевая болезнь	43(33)
Коллагеновые Болезни и Болезни суставов	47(37)
Интоксикации / отравления/	50(40)
Авитаминозы, алиментарная дистрофия	57(45)
Инфекционные болезни	63(50)
Неврозы и мнительность	72(58)
Врачебная деонтология	81(64)
Вопросы лечения	68(86)